

JOURNAL OF RUSSIAN STUDIES

2021, vol. 2, No. 1

ISSN 2713-2501 (Print)

“**Journal of Russian studies**” is an international peer-reviewed scientific journal presenting original results of scientific research by Russian and Foreign authors. The journal is devoted to the study of the social, political, cultural life of Russian society; Russian literature and language, Russian history and sociology – all aspects of Russian studies.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. Scholarly content of publications corresponds to the following groups of academic specialties:

07.00.00 History and Archaeology

10.00.00 Philological sciences

23.00.00 Political Sciences

24.00.00 Cultural Sciences

PUBLICATION INFORMATION

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications and Information Technology and mass communications. Registration certificate PI No. FS 77 - 77639 dated 01.29.2020 (print media, magazine).

Registered with the National ISSN Agency of the Russian Federation, ISSN number: 2713-2501 (Print).

Published since 2020.

With a frequency of 4 issues per year.

FOUNDERS

Ramil R. Khairutdinov

Lilia E. Ilikova

PUBLISHER

Autonomous non-profit organization "Institute of Cultural Heritage"

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation

Tel.: +7 (843) 221-33-21

EDITORIAL

Address: 3, M. Mezhlauk str., off. 117, Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation

Email: rs-journal@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Liya E. Bushkanets – Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL DIRECTOR

Ramil R. Khairutdinov – Ph. D (Hist.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

SCIENTIFIC EDITOR

Lilia E. Ilikova - Ph. D (Sociol.), Ass. Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

EDITORIAL TEAM

Andre da Silva, Ph. D habil. (Polit.), Professor, University of Rio Grande do Sul, Brazil

Yulia S. Valeeva, Ph. D (Econ.), Ass. Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russian Federation

Alessandro Vitale, Ph. D habil. (Polit.), Professor University of Milan, Italy

Maria Gidini, Ph. D habil. (Polit.), Professor, University of Parma, Italy

Andrea Gulotta, Ph. D habil. (Philol.), Professor, University of Glasgow, Scotland

Tatyana K. Ivanova, Ph. D habil. (Philol.), Ass. Professor, Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

Maria L. Kalenchuk, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Institute of the Russian Language RAS, Moscow, Russian Federation

Vladimir I. Karasik, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeny F. Kirov, Ph. D habil. (Philol.), Professor, State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin, Moscow, Russian Federation

Roman N. Lunkin, Ph. D habil. (Polit.), Ph. D (Philos.), Institute of Europe RAS, Moscow, Russian Federation

Umberto Mazzone, Ph. D habil. (Hist.), Professor, University of Bologna, Italy

Munjal Girish, Ph. D habil. (Philol.), Professor, Delhi University, Delhi, India

Jean-Robert Ravio, Ph. D habil. (Polit.), Professor, University Paris-Nanterre, France

Roberta De Giorgi, Professor (Philol.), State University of Udine, Italy

Giovanni Savino, Ph. D habil. (Hist.), RANEP, Moscow, Russian Federation

Olga Smith, Ph. D habil. (Philol.), Professor, University of Preston, Lancashire, UK

Paul Fryer, Ph. D habil. (Sociol.), Professor, University of Eastern Finland, Jonsuu, Republic of Finland

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP

Luiza K. Karimova (Executive Secretary) – Ph. D (Hist.), Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Evgeniy V. Vitol (Responsible for the issue) – Institute of International Relations KFU, Kazan, Russian Federation

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2021, т. 2, № 1

ISSN 2713-2501 (Print)

«**Российские исследования**» – международный рецензируемый научный журнал, представляющий оригинальные результаты научных исследований российских и зарубежных авторов. Журнал посвящён изучению социальной, политической, культурной жизни российского общества; исследованиям русской литературы и русскому языку, российской истории и культуры – то есть всем аспектам россиеведения.

Публикуемые в журнале материалы проходят процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций соответствует следующим группам научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

10.00.00 Филологические науки

23.00.00 Политология

24.00.00 Культурология

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77 - 77639 от 29.01.2020 (печатное СМИ, журнал).

Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации, номер ISSN: 2713-2501 (Print)

Издаётся с 2020 года

Периодичность 4 выпуска в год

УЧРЕДИТЕЛИ

Хайрутдинов Рамиль Рашидович

Иликова Лилия Эрнстовна

ИЗДАТЕЛЬ

Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия».

Адрес: ул. Кремлевская, д. 10/15, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

Тел.: +7 (843) 221-33-21

РЕДАКЦИЯ

Адрес: ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, 420111

E-mail: rs-journal@mail.ru

Подписка и распространение: на оформлении

16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, профессор, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

ШЕФ-РЕДАКТОР

Хайрутдинов Рамиль Равилович – кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Иликова Лилия Эрнстовна – кандидат социологических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Валеева Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент, Казанский государственный энергетический университет, г. Казань, Российская Федерация

Витале Алессандро, профессор, Университет Милана, Италия

Гидини Мария Кандида, профессор, Университет Пармы, Италия

Гириш Мунджал, кандидат филологических наук, профессор, Делийский университет, г. Дели, Индия

Гуллотта Андреа, профессор, Университет Глазго, Шотландия

Да Силва Андре, профессор, Университет Рио Гранде до Сул, Бразилия

Де Джорджи Роберта, профессор, Государственного университета Удине, Италия

Иванова Татьяна Константиновна, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Каленчук Мария Леонидовна, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка РАН, г. Москва, Российская Федерация

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Киров Евгений Фролович, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация

Лункин Роман Николаевич, доктор политических наук, кандидат философских наук, Институт Европы РАН, г. Москва, Российская Федерация

Маццоне Умберто, профессор, Университет Болоньи, Италия

Радио Жан-Робер, профессор, Университет Париж-Нантерр, Франция

Савино Джованни, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Смит Ольга, профессор, Престонский университет, г. Ланкашир, Великобритания

Фрайер Пол, профессор, Университет Восточной Финляндии, г. Йонсу, Финляндская Республика

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

Каримова Луиза Каюмовна (ответственный секретарь) – кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

Витоль Евгений Владимирович (ответственный за выпуск) – Институт международных отношений КФУ, г. Казань, Российская Федерация

CONTENTS

POLITICAL SCIENCE

Filipskaya V.V., Karimova L.K. URBANIZATION PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION	7
Ayupova Z.K., Kussainov D.U., Dzankadyrov S.S. POLITICAL AND LEGAL FRAMEWORK OF THE PROVISION OF TOLERANCE IN THE MULTI-CONFESSIONAL SOCIETY	17

PHILOLOGICAL SCIENCES

Ikonnikova E.A., Liu Xiaowen THE FAR EAST IN THE VIKTOR SHKLOVSKY WORKS: OSTRANENIE AS A METHOD	25
Smith Alice THE MAUSOLEUM OF BEKSULTAN – PART 1: NAKH MYTHS ARE THE STUFF THIS MONUMENT IS MADE OF	37

HISTORICAL SCIENCES

Hartley J. THE VOLGA: A HISTORY OF RUSSIA'S GREATEST RIVER	58
Litvin A.A., Lyukshin D.I. CHESTNUTS FOR THE DICTATORSHIP OF THE PROLETARIAT: THE ROLE OF PROVINCIAL REAR GARRISONS IN THE DESTRUCTION OF RUSSIAN STATEHOOD	73

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Филипская В.В., Каримова Л.К. РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	7
Аюпова З.К., Кусаинов Д.У., Джанкадыров С.С. ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ	17

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Иконникова Е.А., Лю Сяовэнь ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО: ПРИЕМ ОСТРАНЕНИЯ	25
Смит Э. ПАМЯТНИКИ, ВЫТКАННЫЕ ИЗ ТКАНИ НАХСКИХ МИФОВ: МАВЗОЛЕЙ БЕКСУЛТАНА. ЧАСТЬ I	37

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Хартли Д. ВОЛГА: ИСТОРИЯ САМОЙ ВЕЛИКОЙ РЕКИ РОССИИ	58
Литвин А.А., Люкшин Д.И. КАШТАНЫ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА: РОЛЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ТЫЛОВЫХ ГАРНИЗОНОВ В РАЗРУШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	73

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 314; 325.11;332; 908

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА УРБАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. В. Филипская, Л. К. Каримова

girllord78@gmail.com; LU_KA_S@rambler.ru

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. *В статье характеризуется процесс урбанизации в Российской Федерации, выделяются его специфические черты и направления развития, основные проблемы городских населенных пунктов.*

Ключевые слова: *урбанизация, Российская Федерация, городское население.*

Для цитирования: Филипская В.В., Каримова Л.К. Развитие процесса урбанизации в Российской Федерации. *Российские исследования.* 2021;2(1):7–16.

Урбанизация является одной из важнейших составляющих частей современного социально-экономического развития, поскольку соотношение количества людей, проживающих в городских и сельских населенных пунктах, влияет на качество жизни, экономику страны в целом, экологию и т.д. Урбанизация – это исторически неизбежный и закономерный процесс, повышающий роль городов, городской культуры и городского образа жизни в развитии общества, он связан с пространственной концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных центрах и ареалах преимущественного социально-экономического развития¹.

С точки зрения современной геоурбанистики, к данному определению следует добавить, что урбанизация также означает:

– выход города из своих официальных административных границ посредством образования постгородских систем (мегаполисов, агломераций, урбанизированных районов);

– заметное изменение роли человека в городе и изменение его ценностей (рост разнообразия потребностей горожан, требования к повышению качества уровня жизни, преобразование системы ценностей и др.).

Региональная специфика оказывает существенное влияние на процесс урбанизации в Российской Федерации, что отражается в географии российских городов. Согласно данным последней Всероссийской переписи населения 2010 года, уровень урбанизации в России имеет достаточно высокий показатель – 73,7% населения проживает либо в городах, либо в поселках городского типа. Из 105 314 тыс. человек городского населения в городах с населением более 100 тыс. человек проживает 70 228 тыс. городских жителей, или 49,16% от общего населения страны. Также отметим, что в средних, малых городах, поселках городского типа

¹ Алисов Д. А., Гефнер О. В., Золотова Т. Н., Хилько Н. Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма: монография. Москва: Институт Наследия, 2019. С. 45.

и сельских населённых пунктах проживает 50,84% населения России².

На современном этапе Россию можно охарактеризовать высоким уровнем урбанизации и формированием агломераций, но в то же время и неравномерным размещением городов по своей территории, наличием самых протяженных в мире неурбанизированных территорий.

Еще одна тенденция состоит в том, что еще в 1990–е годы ситуация в Российской Федерации и ее регионах перестала быть односторонней. Если в 1960–1980–х годах сельское население сокращалось, а городское и (за его счет) общее население росли (за 40 лет количество городов в РСФСР выросло с 877 в начале 1950 года до 1037 к концу 1990 года³), то с середины 1990–х годов динамика процесса урбанизации становится неоднозначной.

Пик количества городского населения России был достигнут в 1990 году (109,4 млн человек, или 73,8% от общего населения), начиная с 1991 года численность горожан стала сокращаться⁴. Если в 1989 году их было 108,4 млн человек (73,6% от всего населения страны), то в 2000 году данный показатель был равен уже 106,4 млн. человек (73,3%). К началу 2010 года число горожан уменьшилось до уровня 103,7 млн человек (73,1%)⁵.

За период между переписями 1989 и 2002 годов общее число городских поселений в России впервые сократилось: с 3230 до 2940, в основном за счет их перевода в сельские населенные пункты (329). Количество же городов за это время даже увеличилось (на 61) за счет преобразований поселков городского типа, закры-

² Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 99.

³ Материалы Федеральной службы государственной статистики. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.gks.ru/> Проверено 01.04.2021.

⁴ Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. Москва, 2005. С. 240.

⁵ Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. С. 170.

тых административно-территориальных образований, сельских населенных пунктов⁶.

В следующий межпереписной период 2003–2010 годов число городских поселений вновь сократилось и составило уже 2386 (из них 1100 городов и 1286 поселков городского типа). Если в составе городов изменения были незначительными, то число поселков городского типа сократилось на 556 (30,2%), большинство из них (413) были переведены в разряд сельских населенных пунктов, 129 были включены в черту других городов⁷.

В настоящее время выделяют несколько проблем российских городов. Прежде всего, это односторонний характер развития процесса урбанизации как следствие индустриализации, когда формированию социальной сферы, удовлетворению потребностей человека в городе уделялось недостаточно внимания. Следствием стала и деформация функциональной структуры городов, преобладание монопрофильных узкоспециализированных центров, когда даже в крупных столичных и региональных центрах, которые по своей природе многофункциональны, наблюдается существенное преобладание промышленности.

Кроме того, прирост городского населения традиционно происходит за счет миграции сельских жителей, и высокие темпы миграции сельского населения в город являются одной из причин низкого качества городской среды, когда рост уровня дохода горожан, развитие социальной, культурной сферы города, его благоустройство не успевают за ростом численности населения.

Сохраняется и асимметричность расселения городского населения по территории Российской Федерации (между азиатской и европейской частями, севером и югом страны). Большинство регионов уже давно преодолели рубеж по 50% количеству городского населе-

⁶ Там же. С. 199.

⁷ Карачурина Л. Б. Российские города в эпоху депопуляции // Демоскоп Weekly. 2012. № 520. С. 519–520.

ния, но некоторые регионы до сих пор не осуществили в полной мере урбанизационный переход и количество сельского населения здесь преобладает над городским. На начало 2020 года к таким регионам относились: в Южном федеральном округе – Республика Адыгея (218 981 горожан и 244 107 сельских жителей), Республика Калмыкия (124 462 горожан и 146 673 сельских жителей); в Северо-Кавказском федеральном округе – Республика Дагестан (1 409 430 горожан и 1 701 428 сельских жителей), Карачаево-Черкесская республика (199 631 горожан и 265 897 сельских жителей), Чеченская республика (545 408 горожан и 933 318 сельских жителей); в Сибирском федеральном округе – Республика Алтай (64 464 горожан и 155 717 сельских жителей)⁸.

В последние десятилетия в России острый характер приобретают и экологические проблемы городов, в первую очередь резкий рост загрязнения воздуха и водных ресурсов. Так, в список городов с очень высоким уровнем загрязнения воздуха в 2019 году вошли 18 населенных пунктов с общим числом жителей в них 3,3 млн. человек. Все города списка расположены на территории азиатской части России (Абакан, Братск, Зима, Иркутск, Кызыл, Лесосибирск, Минусинск, Новокузнецк, Норильск, Свирск, Селенгинск, Улан-Удэ, Усолье-Сибирское, Черемхово, Черногорск, Чита, Шелехов, Южно-Сахалинск)⁹. Из списка вышли 5 городов, один находится на территории Дальневосточного федерального округа – Петровск-Забайкальский (Забайкальский край), четыре – на территории Сибирского федерального округа, это Ангарск (Иркутская область), Барнаул (Алтайский край), Искитим (Новосибирская область) и Красноярск (Красноярский край) в связи со снижением уровня загрязнения воздуха.

⁸ Население регионов России 2020: численность, крупные регионы России и федеральные округа. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.statdata.ru/largest_regions_russia Проверено 1.04.2021.

⁹ Официальный сайт Федеральной службы гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Электронный ресурс. Режим доступа: http://voeikovmgo.ru/?option=com_content&view=article&id=681&Itemid=236&lang=ru Проверено 1.04.2021.

В России на сегодняшний день прилагаются усилия по регулированию процесса урбанизации. Изучается экономическое состояние различных городов, регионов с последующей разработкой проектов оптимизации их деятельности. Правительством предлагаются меры по формированию и последовательному усилению контактных зон, призванных развивать взаимодействие регионов России между собой, а также включение страны в мирохозяйственные связи («Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года»¹⁰, проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги»¹¹).

Улучшение качества жизни является главной целью социально-экономического развития Российской Федерации. Согласно утвержденной «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на период до 2020 года» перед государством поставлена цель сократить уровень дифференциации в социально-экономическом состоянии и качестве жизни городов и регионов, добиться устойчивого повышения благосостояния российских граждан¹². Стратегический подход используется и в регионах Российской Федерации (Кемеровская, Ивановская, Омская, Нижегородская, Пермская области, в республики Бурятия, Башкортостан, Татарстан, Дагестан, Адыгея и др.), в которых разработаны и утверждены региональные стратегии социально-экономического развития. При этом стратегические цели развития регионов прорабатываются как в целом для региона, так и для отдельных городских округов и муниципальных районов. Только если на их территории открываются новые

¹⁰ Распоряжение от 30 сентября 2018 года №2101-р. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://government.ru/docs/34297/> Проверено 1.04.2021.

¹¹ Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rosavtodor.gov.ru/about/upravlenie-fda/nacionalnyj-proekt-bezopasnye-i-kachestvennye-avtomobilnye-dorogi> Проверено 1.04.2021.

¹² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/aaofKShDLiM99HEcygytfgmGzrnAX.pdf> Проверено 1.04.2021.

и модернизируются имеющиеся производства, строятся новые объекты инженерной и социальной инфраструктуры, жилые комплексы, цель разработанной стратегии считается достигнутой. Следует учесть, что, как правило, в регионах разные муниципальные районы и городские округа имеют разное экономическое развитие, что создает трудности при формировании единого экономического пространства и в достижении целей стратегий социально-экономического развития.

Процесс урбанизации в России, будучи неоднозначным, многогранным и сложным по структуре, требует внимания со стороны региональных и федеральных властей, разработки единой, сбалансированной, комплексной стратегии развития, которая позволит преодолеть негативные последствия стоящих перед городами на современном этапе проблем.

Литература

1. Алисов Д. А., Гефнер О. В., Золотова Т. Н., Хилько Н. Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма: монография. Москва: Институт Наследия, 2019.
2. Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2012.
3. Материалы Федеральной службы государственной статистики. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.gks.ru/> Проверено 1.04.2021.
4. Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. Москва, 2005.
5. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011.
6. Карачурина Л. Б. Российские города в эпоху депопуляции // Демоскоп Weekly. 2012. №520.
7. Население регионов России 2020: численность, крупные регионы России и федеральные округа. Электронный ресурс. Режим доступа:

Филипская В.В., Каримова Л.К. Развитие процесса урбанизации в Российской Федерации

http://www.statdata.ru/largest_regions_russia Проверено 1.04.2021.

8. Официальный сайт Федеральной службы гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды. Электронный ресурс. Режим доступа: http://voeikovmgo.ru/?option=com_content&view=article&id=681&Itemid=236&lang=ru Проверено 1.04.2021.

9. Распоряжение от 30 сентября 2018 года №2101-р. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024. Электронный ресурс. Режим доступа: дата обращения 31 июля 2020 года, <http://government.ru/docs/34297/> Проверено 1.04.2021.

10. Национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», Электронный ресурс. Режим доступа: <https://rosavtodor.gov.ru/about/upravlenie-fda/nacionalnyj-proekt-bezopasnye-i-kachestvennye-avtomobilnye-dorogi> Проверено 1.04.2021.

11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/aaofKSheDLiM99HEcyrygytfmGzrnAX.pdf> Проверено 1.04.2021.

URBANIZATION PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

V.V. Filipuskaya, L.K. Karimova

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

Abstract. *The article describes the process of urbanization in the Russian Federation, highlights its specific features and directions of development, the main problems of urban settlements.*

Keywords: *urbanization, Russian Federation, urban population.*

For citation: Filipuskaya V.V., Karimova L.K. Urbanization Process in the Russian Federation. *Journal of Russian Studies.* 2021;2(1):7–16. (In Russ.)

References

1. Alisov D. A., Gefner O. V., Zolotova T. N., Khilko N. F. Kulturnye landshafty so-
vetskogo goroda. Sibirskie goroda pozdnego socializma. [Cultural Landscapes of the
Soviet City: Siberian Cities of the Late Socialism]: monograph. Moscow: Institut-
Naslediya. 2019. (In Russ.)
2. Socialno demograficheskij portret Rossii po itogam vsrossijskoj perepisi na-
seleniya 2010 goda. [Socio-demographic Portrait of Russia: Based on the Results of
the 2010 goda] All-Russian Population Census. Moscow: ISC «Statistics of Russia»,
2012. (In Russ.)
3. Materialy federalnoj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Materials of the Fed-
eral State Statistics Service]. Electronic resource. Access mode: <https://www.gks.ru/>
Checked on 01.04.2021. (In Russ.)
4. Demograficheskij ezhegodnik Rossii-2005 [Demographic Yearbook of Russia.
2005]: Statistical collection. Moscow, 2005. (In Russ.)
5. Naselenie Rossii-2009. 17-j ezhegodnyj demograficheskij doklad [Population
of Russia 2009. Seventeenth Annual Demographic Report]. Moscow: Izdatelskij dom
Vysšej shkoly ehkonomiki, 2011. (In Russ.)
6. Karachurina L. B. Rossijskie goroda v ehpohe depopulyacii [Russian cities in
the era of depopulation] // Demoscope Weekly. 2012. N. 520. (In Russ.)
7. Naselenie regionov Rossii 2020: Chislennost, krupnye regiony Rossii I feder-
alnye okruga [Population of Russian Regions 2020: Population, Large Regions of Rus-
sia and Federal Districts Electronic resource. Access mode:
http://www.statdata.ru/largest_regions_russia Checked on 01.04.2021. (In Russ.)
8. Oficialnyj sajt federalnoj sluzhby gidrometeorologii I monitoringu-
okruzhayushchej sredy [Official website of the Federal Service for Hydrometeorology
and Environmental Monitoring]. Electronic resource. Access mode:
[http://voeikovmgo.ru/?option=com_content&view=article&id=681&Itemid=236&lan-
g=ru](http://voeikovmgo.ru/?option=com_content&view=article&id=681&Itemid=236&lang=ru) Checked on 01.04.2021. (In Russ.)
9. Rasporyazhenie ot 30 sentyabrya 2018 goda №2101-r. Kompleksnyj plan mod-
ernizacii i rasshireniya magistralnoj infrastruktury na period do 2024 goda [Ordinance,
September 30, 2018, N. 2101-r. Comprehensive plan for the modernization and expansion
of the main infrastructure for the period until 2024]. Electronic resource. Access mode:
<http://government.ru/docs/34297/> Checked on 01.04.2021. (In Russ.)
10. Nacionalnyj proekt bezopasnye i kachestvennye avtomobilnye dorogi [Safe
and high-quality roads]. National project. Electronic resource. Access mode:

<https://rosavtodor.gov.ru/about/upravlenie-fda/nacionalnyj-proekt-bezopasnye-i-kachestvennye-avtomobilnye-dorogi> Checked on 01.04.2021. (In Russ.)

11. Концепция долгосрочного социально экономического развития российской федерации на период до 2020 года [The Concept of Long-term Socio-economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2020]. Electronic resource. Access mode: <http://static.government.ru/media/files/aa00FK-SheDLiM99HEcyrygtfmGzrnAX.pdf> Checked on 01.04.2021. (In Russ.)

Авторы публикации

Authors of the publication

Филипская Виолетта Витальевна – студент 4 курса направления «Регионоведение России» Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, Россия.
E-mail: girllord78@gmail.com

Filipskaya Violetta V. – 4th Year Student of the Direction "Regional Studies of Russia" of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan, Russia.
E-mail: girllord78@gmail.com

Каримова Луиза Каюмовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой регионоведения и евразийских исследований Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, Россия.
E-mail: LU_KA_S@rambler.ru

Karimova Luiza K. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Regional Studies and Eurasian Studies of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan, Russia.
E-mail: LU_KA_S@rambler.ru

Дата поступления 02.02.2021.

Принято к публикации 25.02.2021.

POLITICAL AND LEGAL FRAMEWORK OF THE PROVISION OF TOLERANCE IN THE MULTI-CONFESSIONAL SOCIETY

Z.K. Ayupova¹, D.U. Kussainov², S.S. Dzhankadyrov³

zaure567@yandex.ru; daur958@mail.ru; dzhan_kaz@mail.ru

¹Kazakh national agrarian research university

^{2,3}Kazakh national pedagogical university named after Abai

Almaty, Kazakhstan

Abstract. *The global political and ideological changes in the world over the past decades have transformed the space of world politics from bipolar to multipolar, poly civilizational. Geopolitical processes are bringing new global players to the world stage – regional alliances, military-political blocs and multinational corporations. The vector of priority tasks in the modern conditions in the leading countries are trying to use the potential of westernization to achieve the ideal of a strong national state does not coincide with the processes and interests in the western communities. In these conditions, the ideological component, influence on the internal affairs and election campaigns of sovereign states (on the example of Belarus), especially the religious theme, becomes very relevant. It is necessary to prevent the propaganda of religious extremism, including on the Internet and social networks. We need to form a zero tolerance in the society for any actions related to radical manifestations, especially in the sphere of religious relations. In the places of deprivation of liberty, purposeful work of theological rehabilitation services with convicted persons should be organized. It is time to take additional steps for the spiritual and moral education of the younger generation. We must to involve the non-governmental sector and religious associations in this activity.*

Keywords: *freedom of conscience, religious associations, extremism, terrorism, religious confessions, religious rites, tolerance.*

For citation: Ayupova Z.K., Kussainov D.U., Dzankadyrov S.S. Political and legal framework of the provision of tolerance in the multi-confessional society. *Journal of Russian Studies*. 2021;2(1):17–24. (In English)

In the era of globalization and the construction of an open society and strengthening the national security, the religious factor will largely determine the domestic political agenda of Kazakhstan in the coming years. Therefore, the Kazakh authorities are forced to continue to pursue an active state policy in the sphere of interaction with religious associations [1]. The Parliament of our republic has adopted in October 2011 the Law “On Religious Activities and Religious Associations”.

This law was an important step in the settlement of the relations between all representatives of various religions and confessions on the territory of our country. At the same time, the registration of the religious associations also exposed the negative aspects of the religious life of a part of the population. In particular, in our country, the number of citizens, who oppose themselves to the established foundations in a secular society, has increased [2]. Moreover, extreme forms of aggression and religious radicalism a certain part of the youth in the ranks of the terrorist organization “Igil” have begun to manifest themselves, which together threatens the security of the citizens and the stability of the state as a whole.

The problems of freedom of conscience and religion are one of the important constitutional principles of the secular state like our country. By the way, our country has created all the legal conditions for this. At the same time, it is the duty of the state to regulate public relations in this area, taking into account international norms and approaches. The relevance of this problem is also noted by the Speaker of the Senate of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, M.S. Ashimbayev: “Today, the authorized bodies face an important task, without infringing on the

rights of the citizens to freedom of conscience, to build an effective system for the prevention of the religious intolerance and religious extremism". As we can see, this situation in the religious sphere has largely occurred as a result of the external impact on our country of the purposeful work of international radical religious centers. Kazakh society should formulate an effective system of prevention and preventive actions against the religious radicalism and extremism.

Agency for Religious Affairs was opened in order the regulation of the relations between the state and religious associations. Later it was transformed into the Ministry of Information and Public Development. Actually, the agency has conducted an examination of 4344 religious books and other information books. Quite negative conclusion was made in 148 cases, and currently a religious examination is being conducted on 1923 religious books. Negative opinion has made 17 of the 618 statutes of the religious associations" [3].

Prior to the adoption of this law, Kazakhstan's lawyers made a great job. First of all, the legal status of the subject of law was determined. The legal status of the subject of law is a category that is the subject of research, first of all, of the theory of state and law. In the scientific literature, the most developed theoretical issues related to the legal status of the individual.

As for the legal status of the religious associations, its content and elements are poorly studied in the legal literature. Although there are some works that mention the combination "legal status (position) of the religious associations", however, they do not provide a theoretical analysis of the content of the legal status of these associations, do not distinguish the elements, its structure, consider only a part of the legal categories that characterize the legal status of the religious associations and at the same time highlight issues that are not directly related to this legal status. So, S.O. Chaliapin, revealing the legal status of the religious

organizations, considers the latter as the participants in various sectorial legal relations, without examining other legal categories that characterize the legal status [4, p. 153]. He, speaking about the legal status of the religious association, has limited to define the concept and features of the latter. Yu.M. Antonyan in his scientific work, in the chapter on the legal status of the religious associations, focuses on the identification of the concepts and types of the religious associations, the order of their legalization, without specifically analyzing the content and elements of the legal status of religious associations [5].

There are many opinions on issues related to the legal status of the legal entities, its content and elements. However, we believe, with all the variety of available points of view about the structure and specific content of this concept, all the authors are united in the fact that the legal status of the subject of law is the legal expression of the actual position that the citizen or organization occupies in the system of the public relations, regulated by law.

Domestic legal scholars, who study the legal status of the specific subjects of law, consider rights and obligations as the main element, and also include in the legal status such elements as the principles of organization and activity of collective entities, guarantees of the rights and obligations of the individuals and organizations, and other elements (for example, citizenship, legitimate interests).

In our article, we are trying to research the legal status in of the rights and obligations of the religious associations. We have analyzed the legal personality of the religious associations, enshrined in the law on the principles of the activities of the religious associations, guarantees of their rights in various legal relations. It is necessary to consider the issues related to the relations between the state bodies and the religious associations. The analysis will contribute to the disclosure of the actual position of the religious associations in the public relations, regu-

lated by law, which is expressed in the category of the legal status. We are sure that it is impossible to comprehensively characterize the legal status by limiting the consideration of only rights and obligations.

The rights granted to the religious associations can also be classified on other grounds: depending on the branch of law in the field of civil, administrative, financial, labor, land law or other branches of law.

Many of the obligations of the religious associations, in contrast to the rights, are not provided in the legislation on freedom of the religion and religious associations; but in the legal acts, regulating the public relations in other various spheres of the activity, in which religious associations are the participants: the obligation to ensure the preservation of the historical and cultural monuments, the obligation to pay taxes, the obligation to effectively use the land, etc.

Religious associations, as well as other subjects of law, exercise their rights and obligations in the legal relations, in which they become participants upon the occurrence of certain legal facts. In the legal literature, there are different points of view on the question of the relationship between the concepts of “subject of law” and “subject of legal relations”. A number of authors believe that it is impossible to confuse these concepts; that the concept of “subject of law” is broader, since the activity of the subject of law is not limited to the framework of the legal relations and is quite possible to implement the right outside the legal relationship. Other scholars consider it more correct to use a single concept of the subject of law, common to all persons and organizations, covering both those who are endowed with the legal capacity, and others, who are the participants in a particular legal relationship.

Thus, in the Republic of Kazakhstan, the tolerant relations between faiths are preserved and ensured not only by the intercultural relations, but they are also supported by the political and legal basis of the state.

References

1. Message of the President of the Republic of Kazakhstan K.K. Tokayev to the People of Kazakhstan, dated September 1, 2020 “Kazakhstan in a new reality: time for action” // <https://primeminister.kz/ru/address/01092020> (In Russian) (accessed: 15.04.2021).

2. Law of the Republic of Kazakhstan, dated October 11, 2011 No. 483-IV “On Religious Activities and Religious Associations” // <https://online.zakon.kz> (In Russian) (accessed: 15.04.2021).

3. Zagrebina, I.V., Pchelintsev, A.V., Elbakyan, E.S. (2019). *Religiovedcheskaya ekspertiza. Uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. M.: Izdatel'stvo YUrajt.* 449 p. [Religious studies expertise. Textbook for Bachelor's and Master's degrees] // <https://urait.ru/book/religiovedcheskaya-ekspertiza-434232> (In Russian) (accessed: 15.04.2021).

4. Shalyapin, S.O. (2014). *Sravnitel'no-pravovaya klassifikaciya sovremennyh modelej gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij // Vestnik Rossijskogo Universiteta Druzhy Narodov. Seriya: yuridicheskie nauki.* No.2. P.153-170 [Comparative legal classification of modern models of state-confessional relations] (In Russian).

5. *Etno-religioznyj terrorizm (Pod red. YU.M.Antonyana)* (2005). [Ethno-religious terrorism]. M. (In Russian).

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

З.К. Аюпова¹, Д.У. Кусаинов², С.С. Джанкадыров³

¹Казахский национальный аграрный исследовательский университет

^{2,3}Казахский национальный педагогический университет имени Абая

г. Алматы, Казахстан

Аннотация. Глобальные политические и идеологические изменения, произошедшие в мире в последние годы, трансформировали пространство мировой политики из биполярного в многополюсное, полицивилизационное. Геополитические процессы выводят на мировую арену новых глобальных игроков- региональ-

ные союзы, военно-политические блоки и транснациональные корпорации. Вектор первоочередных задач в современных условиях в ведущих странах, пытающихся использовать потенциал вестернизации для достижения идеала в лице сильного национального государства, не совпадает с процессами и интересами, протекающими в западных сообществах. В этих условиях идеологическая составляющая, влияющая на внутренние дела и избирательные кампании суверенных государств (на примере Белоруссии), особенно религиозная тематика, становится, очень актуальной. Поэтому необходимо регулировать политико-правовые основы соблюдения свободы совести и вероисповедания граждан страны и проводить работу по профилактике религиозного экстремизма. Нужно формировать в обществе нулевую терпимость к любым действиям, связанным с радикальными проявлениями, особенно в сфере религиозных отношений. В местах лишения свободы должна организовываться целенаправленная работа теологических реабилитационных служб с осужденными лицами. Нужно предпринять дополнительные шаги по духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения. Необходимо активно подключать к этой деятельности неправительственный сектор и религиозные объединения.

Ключевые слова: свобода совести, религиозные объединения, экстремизм, терроризм, религиозные конфессии, религиозные обряды, толерантность.

Для цитирования: Аюпова З.К., Кусаинов Д.У., Джанкадыров С.С. Политико-правовые основы обеспечения толерантности в поликонфессиональном обществе. *Российские исследования*. 2021;2(1):17–24. (In English)

Авторы публикации

Аюпова Зауре Каримовна – профессор кафедры «Право» Казахского национального аграрного исследовательского университета, д.ю.н., г. Алматы, Казахстан.
E-mail: zaure567@yandex.ru

Authors of the publication

Zaure K. Ayupova – Professor, Department of “Law”, Kazakh National Agrarian Research University, Doctor of Law, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: zaure567@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умирбекович – профессор кафедры Политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им.Абая, д.ф.н., г. Алматы, Казахстан.

E-mail: daur958@mail.ru

Daurenbek U. Kussainov – Professor, Department of Political Science and Socio-Philosophical Disciplines Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Doctor of Philosophy, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: daur958@mail.ru

Джанкадыров Сейфулла Сейтаевич – магистр социологии, старший преподаватель кафедры Политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета им.Абая, г. Алматы, Казахстан.

E-mail: dzhan_kaz@mail.ru

Seyfulla S. Dzhankadyrov – Master of Sociology, Senior Lecturer of the Department of Political Science and Socio-Philosophical Disciplines, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: dzhan_kaz@mail.ru

Дата поступления 23.01.2021.

Принято к публикации 15.02.2021.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 882

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО: ПРИЕМ ОСТРАНЕНИЯ

Е.А. Иконникова¹, Мяовэнь Лю²

¹e.ikonnikova@hotmail.com

¹Сахалинский государственный университет

г. Южно-Сахалинск, Российская Федерация

²Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *В наследии Виктора Шкловского обращение к Дальнему Востоку не отличается высокой частотностью и не обладает на первый взгляд яркими характеристиками. Однако упоминания, например, о Курильских островах содержатся не только в ранних произведениях писателя, но и в позднем творчестве. В статье рассматриваются функции и различия этой темы в произведениях Шкловского разного периода и доказывается, что в «Третьей фабрике» тема Дальнего Востока является примером приема остранения. В поздних произведениях Шкловского Дальний Восток – это конкретное историко-географическое пространство, отражающее свидетельство об изменении авторского взгляда на литературу и искусство.*

Ключевые слова: *Дальний Восток в литературе, Курильские острова, Виктор Шкловский, прием остранения.*

Для цитирования: Иконникова Е.А., Лю Сяовэнь. Дальний Восток в произведениях Виктора Шкловского: прием остранения. *Российские исследования.* 2021;2(1):25–36.

Виктор Шкловский (1893–1984) – писатель и литературовед, киносценарист и кинокритик сегодня известен, главным образом, как теоретик литературы и как автор термина «остранение» (выведение читателя из пространства автоматического восприятия текста; восприятие предмета как странного, необычного), также как участник литературной группы «Серапионовы братья», яркий представитель литературной жизни 1920–1930-х годов. При этом наследие этого человека несомненно шире того, с чем ассоциируется имя Виктора Шкловского, творчество которого представлено в десятках романов, повестей, киносценариев и научных работ.

Виктор Шкловский, без сомнения, относится к числу широко эрудированных людей XX столетия: в произведениях писателя есть сведения по математике, географии, инженерии, машиностроению (писатель увлекался автовождением). Жизненный опыт и биография Виктора Шкловского сродни авантюрному роману. Автор много путешествовал: проехал почти всю европейскую часть России – бывал на Украине, участвовал в войне 1918 года, был изображен Михаилом Булгаковым в романе «Белая гвардия» в образе Михаила Семеновича Шполянского. М. В. Черкашина пишет, что странно в таком авантюрном персонаже узнавать черты вполне благообразного и маститого литературоведа Виктора Шкловского¹. Кроме того, Виктор Шкловский бывал в Финляндии и Германии; посещал Персию; во время Великой отечественной войны находился в эвакуации в Алма-Ате, впечатления этого периода отчасти нашли отражение в книге «Встречи» (1944).

В большом корпусе сочинений писателя и ученого можно обнаружить несколько довольно любопытных эпизодических образов, связанных с Дальним Востоком. Так, в книге автобиографической прозы «Третья фабрика» (1926) (рис. 1) в части с названием

¹ Черкашина М. В. Михаил Булгаков: в строках и между строк. М., 1999. С. 31.

«Бухта зависти» есть одно лаконичное упоминание о Курильских островах. «...это была интервенция, – говорит герой, от имени которого ведется повествование. – Плыли и завоевали. Ты помнишь, как русские открыли Курильские острова? Открыли острова, на островах туземцы. Туземцев взяли высекли. А они <...> бросились с горя в океан и утонули. Целые племена кричали и плакали от ужаса»².

Рис. 1. Виктор Шкловский. Третья фабрика (М., 1926)

Здесь Виктор Шкловским факты подаются без исторической достоверности и становятся всего лишь одной из реплик героя во время рассказа о том, как открывались в какие то эпохи те или иные земли. В «Бухте зависти» называются разные географические места: они словно «нанизываются» одно на другое и тем самым оказываются связанными единым замыслом (эффект нанизывания).

Виктор Шкловский был хорошо знаком с историей и, по мнению, героев писателя продвижение на восток это было неудачно.

² Шкловский В. Б. Третья фабрика. М.: Круг. 1926. С. 112.

«Я расскажу тебе про интервенцию, которая не удалась³, – говорит один из героев «Третьей фабрики». С.Н. Зенкин считает, что в «Третьей фабрике» экзотической притчи «Бухта Зависти» выражается такая мысль: «русская колонизаторская экспедиция XVIII века, вместо того чтобы освоить открытый ею остров в Тихом океане, сама ассимилируется, растворяется в местном населении, у которого до сих пор «язык полинезийский с примесью русских слов». Политическая аллюзия Виктор Шкловского спрятана в середине романа «Третья фабрика» – ее рассказывает некто Соловей в голодном и морозном Петрограде 1919 года, и после его слов, что, мол, на счастливых островах «спичек, как и у нас [...] нет»⁴. Это типичный прием повествования Виктора Шкловского: важность заключается не в верности истории (автор имеет право на вымысел), а в выражении мысли самого автора.

Следует сказать, что в «Третьей фабрике» рассказывается о строительстве Алдана: написание книги совпадает с реальным временем возведения города в Якутии (начало основания города приходится на 1924 год). И в книге Виктора Шкловского рассказано о странной истории: «Шли люди от Зея на Алдан, орочане проводники их бросили. Люди очень голодали, ели лист и шли по две версты в день. Решили бросить жребий. Было их 86 человек, одного хотели съесть. Жребий пал на молодого русского, но умер старик татарин от разрыва сердца. Очень обрадовался, его и съели»⁵. История о каннибализме передается отчужденно, равнодушно. В сказовой манере. Вполне возможно, что одним из замыслов книги обусловлено и обращение к теме Дальнего Востока – того далекого места, упоминание о котором отчасти дает возможность реали-

³ Шкловский В.Б. Третья фабрика. М.: Круг. 1926. С. 112.

⁴ Зенкин С.Н. Приключения теоретика. Автобиографическая проза Виктора Шкловского // Дружба народов. 2003. № 12. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/12/priklyucheniya-teoretika.html>. Проверено 1.04.2021.

⁵ Шкловский В.Б. Третья фабрика. М.: Круг. 1926. С. 96-97.

зовать принципы остранения (в данном случае – это наблюдение с расстояния, с удаления).

Следует отметить, что Курильские острова и Алдан находятся на периферийном пространстве романа «Третья фабрика». Черты характера героев ранних романов Виктора Шкловского напоминают самого писателя: и в событиях жизненного опыта, и в упоминаниях о теории литературы и литературном кружке ОПОЯЗ. На такое зеркальное повествование (или, по словам канадского литературоведа Линда Хачен, «нарциссического повествование»⁶) намекают многие исследователи. А формалисты называют такой объект повествования «литературным бытом».

В 1930–е годы Виктор Шкловский практически оставил литературоведческую деятельность, начав писать исторические биографии замечательных людей. В это же время была издана книга «Чулков и Левшин» (1933), в которой вновь возник образ Курильских островов. В двух первых случаях автор упоминает об «островах Восточного океана» в связи с Григорием Шелиховым (1747–1795) и Иваном Голиковым (1735–1805), а также вставляет в свою речь краткую информацию о «знаемых и незнаемых островах». В другом случае Виктор Шкловский использует топоним Курильские острова без искажений или иных описаний. В анализируемом «дальневосточном» эпизоде говорится о меховом бизнесе героев, отправлявшихся на поиски богатых пушниной мест в самые удаленные уголки России. «...снаряжал несколько раз промысловые экспедиции на Курильские и Алеутские острова... Видимое уменьшение пушных промыслов, вражда туземцев к названным пришельцам, насильственные поступки последних и проч. требовали безотлагательных мер к коренному преобразованию обыкновенного хода дел в тех местах и изыскания способов к правильному развитию промыс-

⁶ Hutcheon L. Narcissistic narrative: the paradoxical status of self-conscious fiction. University Microfilms International. Ann Arbor, MI publication type: Dissertation Abstract, 1975. С. 1.

ла...»⁷ – в таком контексте звучит топоним Курильские острова в работе Виктора Шкловского «Чулков и Левшин» (рис. 2).

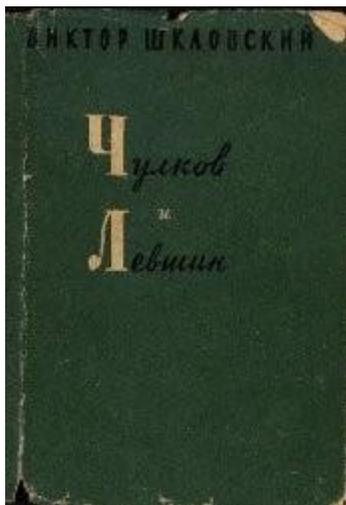

Рис. 2. Виктор Шкловский. Чулков и Левшин (Ленинград, 1933)

Косвенно интерес к Курильским островам через тему Дальнего Востока возникает у Виктора Шкловского и многим позднее. В 1970 году в свет вышел кинофильм «Баллада о Беринге и его друзьях» режиссера Юрия Швырёва (1932–2013). Сценарий к этой исторической киноповести, снятой на Центральной киностудии детских и юношеских фильмов имени М. Горького, был написан (а потом и представлен в первых фрагментах) Виктором Шкловским. Полторачасовой фильм (относимый к числу последних звуковых фильмов писателя и сценариста) предваряется вступительным словом самого Виктора Шкловского (рис. 3). В основе фильма лежат события двух камчатских экспедиций Витуса Беринга в первой половине XVIII века.

⁷ Шкловский В.Б. Чулков и Левшин. Москва: СХЛ. 1933. С. 62.

Рис. 3. Виктор Шкловский в кинофильме «Баллада о Беринге и его друзьях» (1970).

Вся кинокартина имеет своеобразную кольцевую композицию: начальные фрагменты фильма открываются смертью Петра I, а завершается вся история уходом из жизни вдали от родины знаменитого командора Витуса Беринга. Фильм Юрия Швырёва по сценарию Виктора Шкловского изобилует метафорами, одной из которых становится образ края (в значении пространства, имеющего конец, или пространства, удаленного от чего-то знакомого и привычного).

«Край жизни» Петра I (о «крае жизни своей» говорит в фильме страдающий от болезни и позже умирающий император) ассоциируется с «краем земли», который должна открыть экспедиция Витуса Беринга (Петр I говорит о необходимости знаний о «крае своей земли»). Разные топонимы звучат в речи героев фильма и в повествовании от третьего лица: Россия, Китай, Америка, Индия; Санкт-Петербург, Урал, Сибирь, Алеутские острова и другое. Топоним Курильские острова на всем протяжении фильма никак не обнаруживается (рис. 4).

Рис. 4. Фильм «Баллада о Беринге и его друзьях» (1970). В роли Петра I Роман Ткачук (1932–1994)

Вместе с тем одной из интересных деталей фильма становится карта, на которую, как известно, еще предстояло, руководствуясь данными экспедиций, нанести новые земли: побережье Аляски, Алеутские и Курильские острова, а также Японский архипелаг. Образ карты в руках разных персонажей фильма (от первых лиц государства до мореплавателей) – это свидетельство того, как происходили географические открытия, как утверждались названия разных земель, как осваивались изобилующие природными богатствами места. И вокруг личности одного из главных героев фильма гидрографа Дмитрия Овцына (1708–1757) (рис. 5), которому поручается измерение и описание новых земель, развивается основной сюжет фильма.

Рис. 5. Фильм «Баллада о Беринге и его друзьях» (1970).

В ролях: Анна Иоанновна – Нонна Мордюкова (1925–2008), Эрнст Иоганн Бирон – Геннадий Сергеев (1926–2012), Дмитрий Овцын – Игорь Ледогоров (1932–2005)

Виктор Шкловский, никогда не бывавший на Дальнем Востоке России, в связи со спецификой обрабатываемого или создаваемого материала в своем творчестве обращался к образу Курильских островов. Предположим, что такого рода упоминания (всегда предельно лаконичные или косвенные; но звучащие в произведениях писателя обязательно как хрестоматийные) связаны с противоположным «остранению» приемом – приблизить к себе что-то неизвестное, представить незнакомое, взглянуть на него как на что-то близкое.

Нетрудно обнаружить, что тема Дальнего Востока (и в частности, Курильских островов) все же в некоторой степени отражена в произведениях Виктора Шкловского, и это неслучайно. В 1920–х годах писатель был лидером русского формализма и считал, что «произведение – это только форма, а форма – это совокупность приемов»⁸. Без сомнений, в образе Дальнего Востока у Виктора Шкловского реализуется один из приемов остранения. В XX столетии, приходящемся на основные годы жизни писателя, активно развивающийся Дальний Восток воспринимался как конкретные географическое пространство со своей историей. В это время для Виктора Шкловского теория словесности – это уже не просто совокупность приемов, а более сложное целое, и потому в литературно художественное творчество писателя и его киносценарии отражают эти новые поиски.

Наследие Виктора Шкловского в последние годы хорошо известно в зарубежных странах. Уже сегодня работы писателя и сценариста переведены на разные языки мира: на английский (первые переводы появились еще в 1970–е годы), немецкий, французский и др. Активно наследие Виктора Шкловского изучается китайскими литературоведами и переводчиками – Чжао Сяобинь

⁸ Хализев В.Е., Холиков А.А. Парадоксы и «плодотворные крайности» русского формализма (методология/мировоззрение) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 1. С. 13.

(род. 1963) и Ян Юйбо (род. 1972)⁹. А это значит, что более внимательное рассмотрение наследия Виктора Шкловского отечественными исследователями (в том числе с включением в материалы изучения эпизодических тем и образов) позволит при переводах избежать неточных интерпретаций и неверных смыслов.

Литература

1. Hutcheon L. Narcissistic narrative: the paradoxical status of self conscious fiction. University Microfilms International. Ann Arbor, MI publication type: Dissertation Abstract, 1975.

2. Зенкин С. Н. Приключения теоретика. Автобиографическая проза Виктора Шкловского // Дружба народов. 2003. № 12. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/12/priklyucheniya-teoretika.html>. Проверено 1.04.2021.

3. Хализев В. Е., Холиков А. А. Парадоксы и «плодотворные крайности» русского формализма (методология/мировоззрение) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2015. № 1.

4. Черкашина М. В. Михаил Булгаков: в строках и между строк. Москва, 1999.

5. Шкловский В. Б. Третья фабрика. Москва: Круг. 1926.

6. Шкловский В. Б. Чулков и Левшин. Москва: СХЛ. 1933.

⁹ См. Иконникова Е.А. Женское лицо китайской славистики // Азия и Африка сегодня. 2018, № 6. С. 73-76. Также см. Лю М., Кольцова Н.З. Восприятие работ В. Шкловского в Китае // Вестник РУНД. Серия журналистика и литературоведения. 2019. Т 24. № 3. С. 462-476.

**THE FAR EAST IN THE VIKTOR SHKLOVSKY WORKS:
OSTRANENIE AS A METHOD**

E.A. Ikonnikova¹, Miaowen Liu¹

¹Sakhalin State University
Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation

²Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract. *In the legacy of Viktor Shklovsky, the appeal to the Far East is not characterized by high frequency and does not have at first glance bright characteristics. However, references, for example, to the Kuril Islands are contained not only in the early works of the writer, but also in his later work. The article examines the functions and differences of this theme in the works of Shklovsky of different periods and proves that in the “Third Factory” the theme of the Far East is an example of the method of «ostranenie». In Shklovsky's later works, the Far East is a specific historical and geographical space that reflects evidence of a change in the author's view of literature and art.*

Keywords: *The Far East in literature, the Kuril Islands, Viktor Shklovsky, the method of “ostranenie”.*

For citation: Ikonnikova E.A., Liu Xiaowen. The Far East in the works of Viktor Shklovsky. *Journal of the Russian studies.* 2021;2(1): 25–36. (In Russ.)

References

1. Hutcheon L. Narcissistic Narrative: the Paradoxical Status of Self Conscious Fiction. University Microfilms International. Ann Arbor, MI publication type: Dissertation Abstract, 1975. (In Eng.)

2. Zenkin S. N. Priklyucheniya teoretika: avtobiograficheskaya proza Viktora Shklovskogo [Adventures of a Theorist. Autobiographical Prose of Viktor Shklovsky] // Druzhba Narodov. 2003. № 12. Electronic resource. Access mode: https://magazines.gorky.media/druzhba/2003/12/priklyucheniya_teoritika.html. Checked 1.04.2021. (In Russ.)

3. Khalizev V. E., Kholikov A. A. Paradoksy i plodotvornye krajnosti russkogo

formalizma. Metodologiya, mirovozzrenie [Paradoxes and «Fruitful Extremes» of Russian Formalism (Methodology/Worldview)] // Vestnik Moskovskogo niversiteta [Bulletin of the Moscow University]. Series 9. Philology, 2015. N 1. (In Russ.)

4. Cherkashina M. V. Mihail Bulgakov: v strokakh i mezhdu strok [Mikhail Bulgakov: in the Lines and Between the Lines]. Moscow, 1999. (In Russ.)

5. Shklovsky V. B. Tretya fabrika [The third factory]. Moscow: Krug. 1926. (In Russ.)

6. Shklovsky V. B. Chulkov and Levshin. Moscow: SHL.1933. (In Russ.)

Авторы публикации

Authors of the publication

Иконникова Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск, Российская Федерация.

E-mail: e.ikonnikova@hotmail.com

Elena A. Ikonnikova – Doctor of Philology, Professor of Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russian Federation.

E-mail: e.ikonnikova@hotmail.com

Мяовэнь Лю – соискатель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Miaowen Liu – Post Graduate Student of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Дата поступления 01.02.2021.

Принято к публикации 26.03.2021.

ПАМЯТНИКИ, ВЫТКАННЫЕ ИЗ ТКАНИ НАХСКИХ МИФОВ: МАВЗОЛЕЙ БЕКСУЛТАНА. ЧАСТЬ I

Элис Смит

alice.in.russia@gmail.com

Чеченский государственный педагогический университет,
г. Грозный, Россия

Аннотация. *Мавзолей Бексултана, известный также как Борга каш, окутан мифами, так как он не похож на другие памятники региона. Более того, никто не знает, кто на самом деле был похорон в нём. Систематическое изучение письменных материалов 1748–1901 гг. показало, что ингуши, благодаря их устной традиции, выткали многочисленные мифологические нитки вокруг памятника, используя несколько слоев ткани истории, и в результате превратили памятник в народную «собственность», утверждая, что в мавзолее были похоронены нарт ортсхойцы, герои самого древнего эпоса нахов. Огромное количество материалов на эту тему вынуждает нас ограничить нашу работу первыми 150 годами; еще одна статья будет основана на более современных материалах. Цель данной статьи – показать, как два мировоззрения, русская традиционная наука и нахская устная традиция, столкнулись, и как со временем последняя стала более влиятельной, превратив Борга каш в «фабрику мифов».*

Ключевые слова: *нахская устная традиция, нарт ортсхойский эпос, народная «собственность», Борга каш, памятники старины, мифология.*

Для цитирования: **Смит Э.** Памятники, вытканные из ткани нахских мифов: мавзолей Бексултана. Часть I. *Российские исследования.* 2021;2(1): 37–56.

Памяти Овхад (Шалрани) АлихаджиевичаДжамбекова

Нахская языковая группа, по утверждению Гурама Гумбы¹, подразделяется на три подгруппы: чеченцы, ингуши и бацбийцы. Этноним чеченцы появился в российских научных изданиях в начале XVIII в. от названия аула *Большой Чечень*. Этноним ингуши ведет свое начало от села Ангушт (нынешнее Тарское село в Северной Осетии). Бацбийцы менее известны науке, потому что несколько веков назад они приняли христианство и присоединились к Грузии. У всех трех этнонимов свои самоназвания: «нохчий», «Галгай» и «цова/цлова тушины», об этимологии этих этнонимов до сих пор идут научные споры.

На нахской земле остались многочисленные сакральные места, связанные с нарт ортсхойским эпосом, их стоит искать на плоскости и в горной местности. Горы, курганы и камни никуда не делались, и все еще свидетельствуют о древнем прошлом и общей народной памяти. Следы этих природных памятников и древних строений остаются в преданиях нахов, объясняя их ценность и значение. Изучая цикл предводителя нарт ортсхойцев, Сеска Солсы (осет. *Сослан*, кабард. *осруко*, абхаз. *Сасрыка*), на территории аккинцев, а также цикл Наура (чеч. *Новр*) в с. Ялхой Мохк, легко найти источники древних верований чеченцев. Такие источники есть и на ингушской земле.

Интересным местом для паломничества является Мавзолей Бексултана (Борогана) в селении Плиеве, не далеко от г. Назрани в Ингушетии. «Один из старейших зийаратов Ингушетии – мавзолей Борга каш (досл. с ингуш. яз. «могила Боргла»). Боргла каш – один из самых ранних среди сохранившихся мусульманских памятников»².

¹ Гумба Г. Дж. Нахи: Вопросы этнокультурной истории (1 тысячелетие до н. э.). Москва: Абгосиздат, 2018. С. 16.

² Албогачиева М.С.-Г. Места паломничества в Ингушетии // Кунсткамера. Санкт-Петербург. 2 (4) 2019. С. 233.

История этой «могилы» и некоторых других памятников выткана из ткани мифов местных народов. У нахов письменность возникла поздно. «Предания старины» столетиями передавались изустно. Все зависело от воображения сказателя. Изучая памятник Борга каш, стало понятно, что существует столько версий о происхождении памятника, сколько сказателей, которые каждый по-своему объясняет его значение. Самый надежный путь – изучать непосредственно сам памятник и письменные материалы, доступные исследователям. Так как этот памятник в течение столетий подвергался разграблению, мы старались восстановить его историю, изучая самые ранние доказательства. В этой статье мы рассматриваем работы некоторых исследователей до 1901 года, а во второй части планируем продолжить исследование памятника до сегодняшнего дня.

Русские исследователи первый раз «открыли» Борга каш в 1748, когда поручик Бибирюлев доносил кизлярскому коменданту князю Оболенскому, что сопровождавший его кабардинец Казы показал ему «будто как ковчег каменный, а в нем внутри земли каменный же погреб или выход круглый и своды каменные; а шириною и длиною равной по видимому сажени (1 сажень = 2,16 м) в две с половиною. А в нем несколько гробов деревянных стоят, гроб на гробе, и из оных и в верхних гробах помянутые тела смотрел, которые положены в атласных и камчатных парчах. У иных голов, а у других по одной руке не имеется, а иные тела невредимы ничем, кроме того, как с чем положено; а одежда вся цела... Сколько числом гробов, не знаю, только сказывают с двадцать есть»³. Касаясь останков в мавзолее Казы объяснил Бибирюлеву «якобы, по имеющейся над ними надписи, представились

³ Юдин П.Л. К истории кабардинского народа // Терские ведомости, № 242. Владикавказ, 1912. С. 26.

от сего жития триста сорок шесть лет, а роду подлинно Брагунские князья»⁴.

Далее Бабириулев отмечает, что первоначальная надпись на склепе будто бы повреждена и заменена новой. «А над дверьми оногo ковчега, где телеса лежат, знать, что древняя была незнаемо с какогo диалекта вырезана на камне надпись; точию она теми кабардинцами соскоблена нечаянно вырезана по тому ж месту, по нынешнему диалекту, и напущена чернилами, которую с нуждою и сами разбирают, для чего и брал с собою их муллу, точию оной больше того не разобрал, как вышеупомянутого, якобы брагунские князья и представились назад токмо 346 лет»⁵.

В 1960 г. Леонид Лавров со своей командой исследователей сами посещали памятник и «сняли эстампы с надписей»⁶. В результате дата над входом мавзолея установлена как 808 [год хиджры], т. е. 29 июня 1405 по 17 июня 1406 г. н. э.⁷

Только через двадцать пять лет, в 1773 году, Иоганн Антон Гильденштедт, участник первой и второй Астраханских экспедиций Петербургской Академии наук, посещал памятник Борга каш. Ему тогда было всего лишь 23 года. Молодость может объяснить некоторые явные ошибки в его описании памятника. «В нескольких верстах от северной стороны ручья Назрань, ...находится на значительном и свободном холме погребение. Строение шестиугольное (нем. *sechseckiges*)⁸» Однако по утверждению И. П. Щерблыкина это строение – прямоугольное (4,13 м X 5,56 м⁹). «Каждая сторона шириною в сажень [Бабириулев сказал «две с половиною», т.е. 5,33 м.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Там же.

⁶ Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: на арабском, персидском и турецком языках. Часть I. Москва: Наука, 1966. 130.

⁷ Лавров Л. И. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXI. Москва, 1963. С. 285–287.

⁸ Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. (перевод с немецкого языка Т. К. Шафрановской). Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2002. С. 270.

⁹ Щерблыкин И. П. Путеводитель по ингушской автономной области. Владикавказ: Ингушский институт краеведения, 1929. С. 70–73.

Для сравнения с действительностью существуют эскизы Щерблыкина (приложение А)¹⁰– Смит]; «...крыша сводчатая. На южной стороне есть вход шириной около трех футов (фут = 30,5 см), но не полностью в человеческий рост; по сторонам входа выступают стены шириной более чем в один фут, чтобы не попадал свет внутрь. Внутренний диаметр этого строения приблизительно в две сажени. Под ровным полом находится подземный свод размером с верхнее строение и около 7 футов глубиной. К этому подвалу ведет находящееся в центре пола круглое отверстие, около 3 футов в ширину, края которого наклонно сходят внутрь, вероятно для того, чтобы вместить сделанный по этому отверстию для прикрытия камень, которого, однако, сейчас не было. Строение возведено из плитняка с очень прочной известью и построено правильно по угломеру. Над входом были высечены в камне литеры в три строчки. Шрифт арабский, и надпись гласит в переводе приблизительно так: „Обиталище Малахариин Санаби Имарет; сегодня ты, завтра мы“; писец этого был Али Султан»¹¹. Лавров расшифровал надпись только в 1960 году, и у него совершенно другой перевод:

	سنة ثمانئة وثمانية مئة	«Восемьсот восьмой год».
Верхняя слева:	عمارت مسايى تاحلال	«Постройка. . .»
Нижняя:	بك سلطان بن حدايناد	«Бек-Султан б. Худайнад».

12

В этом склепе И.А. Гильденштедт нашел шесть покойников, лежащих один возле другого, и казалось, что среди них есть еще столько же. Тела лежали в гробах, состоящих из пяти гладких дубо-

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Гильденштедт. Указ. соч. С. 270.

¹² Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: на арабском, персидском и турецком языках. Часть I. Москва: Наука, 1966. С. 130.

вых досок, а именно – одна доска внизу, две перпендикулярно по сторонам и две сверху, расположенные наклонно друг против друга, оба конца смыкали пятиугольные дощечки. Тела лежали на спине, головами обращенные на восток, почти все они были не тронуты временем; некоторые были целыми, у других были «вырваны» ноги и руки из суставов. Они все были завернуты в саваны, настоящий покрыв которых невозможно было определить. Но все же можно было ясно увидеть, что одеяние начиналось от головы или не закрывало голову и свободно свисало на ноги. Некоторые одеяния были изготовлены из хлопчатобумажной белой ткани, ткань в некоторых случаях была тонкой, другие были изготовлены из шелковых тканей, из них одно одеяние было полностью желтым и другое, красное, было украшено пестрыми и золотыми цветами. Часть тел принадлежала мужскому полу, часть – женскому. Рядом с этими телами лежал также высохший, но не истлевший заяц, шерсти на этом животном не было, так же, как и волос у людей¹³. Иоганн использует немецкую логику, чтобы объяснить это явление: «Вероятно, это животное скрылось в этом склепе, убегая от преследований охотников или хищников; здесь оно сдохло от голода»¹⁴.

Местные жители, наоборот, видели в этом, что-то сказочное и волшебное: «Мне рассказали еще до того, как я попал в этот склеп, чтобы придать всему делу весьма диковинную окраску, что внутри находятся высохшие в естественных позах заяц, охотник и борзая»¹⁵. Заяца он нашел, охотника тоже со всем охотничьим обществом, но борзую он не заметил. «Я сомневаюсь также, что она когда-то была внутри вместе с зайцем, потому что она, вероятно, его съела бы прежде, чем он погиб бы от голода. Суеверие, может быть, очень склонно к тому, чтобы провозгласить эту нетленную семью

¹³ Гильденштедт. Указ. соч. С. 270.

¹⁴ Там же. С. 271.

¹⁵ Там же.

святой, если бы не было смешно принять и зайца в число святых, который с данной семьей имеет равное право на это. Из присущего народам здешней местности сухопарого телосложения, возвышенной местности, сухости кремнеземной почвы и жаркого воздуха, наблюдаемого в этом климате, естествоиспытатель извлечет достаточно причин, которые объяснят, что препятствует гниению этих тел и способствует их сохранению без чудес»¹⁶.

Нет никакого предания о том времени, когда был выстроен этот склеп, также и о лежащем в нем народе. Гильденштейн не считал их мусульманами, так как они не хоронит в гробах, а кладут на лежащую наклонно доску, их заворачивают только в белые ткани и ни во что другое; их погребальным одеянием является полностью зашитый мешок, который крепко завязывается в головах и под подошвами ног. Все это выглядит у данных покойников совершенно по-другому. Таким образом, кажется, что они были христианами. Надписи между тем полуарабские; следовательно, Гильденштедт считал, что это фамильное погребение князя Али Султана, который ко времени царя Ивана Васильевича в XVI веке завоевал Кабарду и большей частью обратился к греческой церкви, вместе с тем, он мог стать христианином»¹⁷.

С этого описания станет явно, как формируются мифы и как люди делают выводы из того, что наблюдали.

После Гильденштедта немецкий подполковник Леонтий Леонтьевич Штедер в 1781 году совершил экспедицию по Кавказу, преодолев путь от Моздока через земли кабардинцев, чеченцев, ингушей, карабулаков и осетин, в Грузию, с целью составить военно-топографическую карту, описать население гор и степей и провести геологическую разведку. Он называет памятник «Брагунка Речана (Брагунка кечана) или захоронение нетленных тел» и правильно

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

описывает структуру как «четырёхугольное продолговатое сооружение из гладкого тесового камня»¹⁸. Судя по обрамленной подобным камнем, крыше, которая имеет несколько косых отверстий для света, Штедер считает, что сооружение похоже на запущенные в степи вдоль линии калмыцкие молельни¹⁹.

Устные предания, которые приписывались этому захоронению, напоминают легенды. Внутри, в четырех углах, горели лампы, вследствие чего были еще видны следы копоти от дыма, который тянулся к отверстиям. Кроме усопших одетых в полуистлевшие толстые и богатые шелковые ткани, Штедер также нашел «в позе стоя и в беге борзую собаку и зайца»²⁰. Как и Гильденштейн, он тоже не поверил мифу, что «преследуемый заяц хотел заскочить в отверстие склепа, а борзая последовала его и оба, таким образом, как и все другие тела, сохранились благодаря природе преисподней, кажется тем более невероятным, поскольку голодная собака вряд ли могла оставить зайца в целостности, не говоря уже об одном ухе»²¹.

Еще почти тридцать лет проходит перед тем, когда Юлиус фон Клапрот в начале XIX в. (около 24 декабря 1808 г.) писал о Борга каше в своем «Описание поездок по Кавказу и Грузии»²². Его текст повторяет ошибку Гильденштедта (что мавзолеем – шестиугольное сооружение) и почти дословно описывает памятник. Из этого следует вопрос: видел ли он памятник собственными глазами? Удивительно, что он отходит от описания Иоганна и точь-в-точь цитирует Леонтия Штедера только тогда, когда он говорит о сказочных персонажах (см. предыдущий абзац).

¹⁸ Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. С. 15.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Там же. С. 15–16.

²¹ Там же. С. 15–16.

²² Фон Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. по приказанию русского правительства Юлиусом Фон Клапротом, придворным советником его величества императора России, членом Академии Санкт-Петербурга и т. д.; Нальчик, 2008. С. 177.

Далее он также использует название Штедера для памятника: Багрунка Кечанах, или «Место погребения неразложившихся тел»²³.

Семен Броневский пишет об этом памятнике в 1823 г., повторяя описание Гильденштедта, и также говорит, что это «надгробный памятник шестиугольного вида», но он добавляет, что свод «покрыт муравленою черепицею». По его свидетельству, усопшие уже не в гробах, а «открыто лежат на досках». Он также упоминает сказочных персонажей «возле сих тел лежит облезлый, но равномерно нетленный заяц, о коем горские народы баснословят, что когда-то охотник вскочил в сию гробницу вслед за собакою, гнавшеюся за зайцем, и в ту же минуту все окаменели. Собаки не видно, а только шесть тел и заяц»²⁴.

Интересный поворот происходит, когда в 1868 г. Антон Антонович Шифнер в первый раз связывает Борга каш с нартами. В примечании к осетинской пословице № 78 *Нартских людей все любят* в «Осетинских текстах», А. Шифнер пишет: «На расстоянии двенадцати верст от крепости Назрань, вниз по Сунже, находится маленькое каменное строение, под которым, как говорят, скрываются костяки прославленных в преданиях нартов. Костякам этим приписывают двухтысячную древность; до появления русских в этом крае они были в большом почете у различных чеченских племен, и еще ныне, как говорят, ингуши покрывают их часто полотном»²⁵.

Из этого видно, что исследователи начинают уже «слышать и понимать объяснения местного населения», и что устная традиция ингушей естественно ищет начало памятника в главном нарративе народа – нарт ортсхойском эпосе.

В 1871 г. Николай Федорович Дубровин тоже намекает на нартовское происхождение Борга каша в своем очерке об «Чеченцах

²³ Там же. С. 177.

²⁴ Там же. С. 186.

²⁵ Шифнер А.А. (изд.) Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цороевым. Приложение к XIV-му тому записок императорской академии наук. № 4. СПб., 1868. С. 20.

(Нахче)», когда он говорит о древней религии ингушей: «Ингуши почитали прежде нечто вроде человеческих скелетов. В двадцати верстах ниже крепости Назрани, по Сунже, выстроена каменная будочка, в которой находятся эти скелеты. Теперь верование в них почти совершенно оставлено, но ингуши и в настоящее время прикрывают их полотном, в знак того, что и до сих пор сохраняют некоторое уважение к их остовам. Предание утверждает, что скелеты эти принадлежат народу *нарт*, некогда жившему около Назрани, и что они оставались нетленными в течении 2000 лет, но, с приходом русских, стали портиться»²⁶. Здесь мы столкнемся с стандартным приемом нарт ортсхойского эпоса – потеря благодати после появления нартов на нахской земле: «Кто не видел Сеска Солсу – да не увидит, кто однажды видел – пусть больше не увидит! Вместе с нарт ортсхойцами он унес благодать земли. Страна обнищала, люди разошлись»²⁷. Нарты в нахском эпосе считаются пришлыми, только со временем они ассимилировались в нахском обществе. Русские также являются пришлыми, и с их появлением «благодать» тоже исчезла.

Год спустя, в 1872 г., чеченский исследователь Умалат Лаудаев мимоходом отмечает: «В горах назрановских есть примечательные памятники: языческие капища бога *Цу*, *Бораган кеш*, т. е. кладбище Боргана и др., которые, по исследованию, могли бы оказать пользу науке. Я не мог там быть»²⁸.

Чем больше мы изучаем этот памятник, тем больше приходим к выводу, что его история уходит в далекое прошлое и находит подтверждение в древних верованиях, и здесь речь идет не о христианстве или исламе, а о изначальном языческом веровании. Гурам Гум-

²⁶ Дубровин, Н. Ф. Чеченцы // История войны и владычества русских на Кавказе: Т. I: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 1: Кавказ. Санкт-Петербург, 1871. С. 384.

²⁷ Мальсагов, А. О. Нарт-ортсхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970. С. 144.

²⁸ Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. VI. Тифлис, 1872. С. 43-44.

ба предполагает, что «имя осетинского божества Хуцау является производным от имени нахского божества *ЦIа//ЦIу//ЦIов*, означающего *бог огня (очага)*»²⁹, где *цIа* (*ša*) означает *огонь*, и вероятно, восходит к пракавказскому языку, производным от него являются названия божеств: абхазского – *анцъа (ан цъа)*, нахского и дагестанского – *цIа//циу* и т. д.³⁰

В 1878 г. П. И. Головинский посещает Борга каш, и видит, что памятник постепенно разрушается: «На понизовье не встречаются архитектурные памятники прошлого, исключая одного склепа, называемого Борган каш, или могила Боргана, и находящегося в Назрановском обществе, в 5 верстах от укрепл. Назрановского. Склеп этот замечателен по уважению туземцев к телам, в нём лежащим. В памятнике этом, снаружи совершенно обвалившемся, проделано небольшое квадратное отверстие, обращенное на восток и служащее для входа. Между этим отверстием и другим, ведущим в самый склеп, находится небольшое пустое пространство в виде преддверья. Над вторым отверстием; на камне вырезаны три надписи, по-арабски: „1) Имазис Солтания; 2) Бек Султан Худдадов и 3) „здесь прахи покойников, и нет между ними ни света, ни влаги”»³¹. Конечно, он тоже находит останки сказочных животных: «По бокам трупов разбросаны кости зайцев и скелет собаки»³². Памятник был местом языческих обрядов потому, что «во время засухи собираются толпами, ходят вокруг него и молятся о дожде»³³.

Дальше он даёт нам первое письменное придание о памятнике Борга каш:

Когда то, за Кубанью, на берегу Черного моря, жил крымский татарин, Абдул Гирей, нажившей огромное состояние продажей

²⁹ Гумба Г. Указ. соч. С. 118.

³⁰ Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990. С. 147.

³¹ Головинский П. И. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. С. 248–249.

³² Там же. С. 248.

³³ Там же.

черкешенок. Сын его, Качкер, влюбился в одну наложницу, бедную черкешенку – красавицу Фатиму, и решил на ней жениться. Абдул Гирей со своим поверенным Девлетом хотел помешать намерению Качкера. Они похитили Фатиму и продали ее туркам. Но Качкер, силой отняв ее у турок, бежал с ней в Чечню и поселился в пещере, вырытой в кургане. Там он некоторое время жил с Фатимой в уединении. Собака Качкера ловила зайцев и кормила ими своих хозяев. Но недолго прожили таким образом Качкер с Фатимой, смерть прекратила их тяжкую жизнь.

Однажды, собака, возвратившись с охоты, не застала своих хозяев в живых. Она улеглась подле их трупов и окоченела.

Девлет, терзаемый укорами совести, отыскав впоследствии трупы Качкера и Фатимы, построил склеп над пещерою, где они лежали³⁴.

Головинский дает свое объяснение: «В имени „Борган”, должно полагать, кроется и разгадка происхождения этого памятника. По всему вероятно, во времена могущества Крыма, в этих местах жили борганы т. е. крымцы, и из них некто, судя по надписи, Бек Султан Худдадов построил этот склеп, в котором он и был впоследствии похоронен. Имазис Султания, быть может его жена, была также похоронена в этом же склепе, в котором впоследствии, вероятно, стали хоронить своих умерших и другие. Собака, зайцы и другие мелкие животные могли попасть туда случайно – через отверстие, и не могли уже выбраться.

Предположение о существовании близ памятника Борган каш поселения борганов или крымцев, подтверждается и чеченскими преданиями, которые говорят, что до прихода ингушей на нынешние места их жительства, там жили борганы, которых кабардинцы отгеснили потом к чеченским горам. Впоследствии борганы эти, с

³⁴ Там же. С. 249.

частью чеченцев, переселились на Терек и основали аул Борганы, существующий и доселе, но называемый иначе: Брагуны»³⁵.

В 1892 г. Г. А. Вертепов явно полагается на Дубровина, но он добавляет свою версию «к этим скелетам ингуши до сих пор сохраняют особое религиозное уважение, сходятся к ним на поклонение и прикрывают их зеленым сукном, приносимым из Мекки. Предание утверждает, что скелеты эти принадлежат народу *нарт*, некогда жившему около Назрани, и оставались нетленными в течение 200 лет, но с приходом русских стали портиться»³⁶.

В 1900 г. И. Пантюхов сокращает вертеповское резюме Дубровина: «Недалеко от местечка Назрань есть весьма почитаемая башня, наполненная человеческими костями, принадлежащими нартам»³⁷.

В 1901 г. Б. К. Далгат дает нам новую версию – легенду. Он называет ее «Могила Бексултана Борогана». Предание записано со слов жителей селения Плиево: Исупа Наурузова Амигова. Человек, знающий это предание, нашелся лишь после долгих поисков.

Еще не так давно, когда кабардинцы жили в окрестностях Назрани, была девица из фамилии князей Ахловых. Предки ее жили на правом берегу реки Сунжи. Местность это называется «Гязей Каув» (что означает *усадьба Казия*). Недалеко от названной усадьбы находится большой курган «Йийий боарз» (инг. *Девичий курган*), насыпанный по преданию этой самой княжной Ахловой. Немного дальше от кургана к северу в балке есть родник, называемый «Сувхьаст» (*родник княгини*, где княгиня является матерью названной княжны); над этим родником находится камень, а на камне есть

³⁵ Там же. С. 249.

³⁶ Вертепов Г. Ингуши // Туземцы Северного Кавказа: Историко-статистический очерк. Владикавказ, Вып. I: Осетины, ингуши, кабардинцы. 1892. С. 118.

³⁷ Пантюхов И. И. Ингуши: Этнографический-антропологический очерк // Сказания об ингушах. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет, 1991. С. 58.

чашкообразная выбоина, куда, говорят, княгиня клала мыло во время стирки белья.

Бексултан Бороган жил в том месте, где теперь находится сел. Яндырское. Он был влюблен в княжну Ахлову, да и княжна была неравнодушна к нему. Бексултан постоянно спал, стреножив лошадь, подложив седло под голову и подстлав под себя бурку, на том самом месте, где теперь выстроена могила Борга каш; на этом месте он пас свой скот и наблюдал за тем, чтобы какнибудь не напала шайка абреков и не угнала его скот. Княжна выходила часто на курган «Йийий боарз» и смотрела на Бексултана, а Бексултан на нее; и так они любовались друг другом.

Недалеко от станицы Карабулакской находится курган «Iаьсан Iуна боарз» (т. е. курган пастуха телят), где однофамилец Бексултана пас телят (имя его было Пастух Телят). Однажды с той стороны, где жили уздени Жогиевы, вышла шайка чеченских наездников и направилась к Бексултану с целью угнать его скот и лошадей. Но Бексултан не потерял присутствия духа и начал стрелять из ружья по врагам; брат его, «Пастух Телят», тоже стал стрелять во врагов; оба они дрались со своими противниками, победили их и погнались за ними с обнаженными шашками в руках. Когда они истребили всех, за исключением одного человека. Бексултан погнался за этим человеком. Этот последний сказал ему: «Не гонись за мной: если получишь рану от пули моего ружья, то ты непременно умрешь, потому что ружье мое из ружей Пяси лача».

Но Бексултан, сказав: «Пока не перебью всех, не вернусь, домой», не переставал преследовать его. Тогда чеченец выстрелил из ружья и убил Бексултана. Княжна же на том самом месте (около сел. Яндырского), где спал Бексултан, выстроила существующий и поныне мавзолей «Борга каш», для чего она из Тифлиса на мулах возила камни. Когда часовня была готова и тело Бексултана пере-

несено в нее, княжна поставила ручку кинжала на грудь Бексултана, а сама бросилась на острый конец, и таким образом покончила с собою: тело ее было положено рядом с телом Бексултана.

Таково предание стариков о «Борха каш»³⁸.

В течение 153 лет исследования памятника, с 1748 по 1901 гг., появилось больше вопросов, чем ответов. С 1901 г. до сегодняшнего дня было опубликовано бесчисленное множество работ об этом загадочном месте, но это тема другого исследования (сведения об этом должны быть отложены для другой статьи).

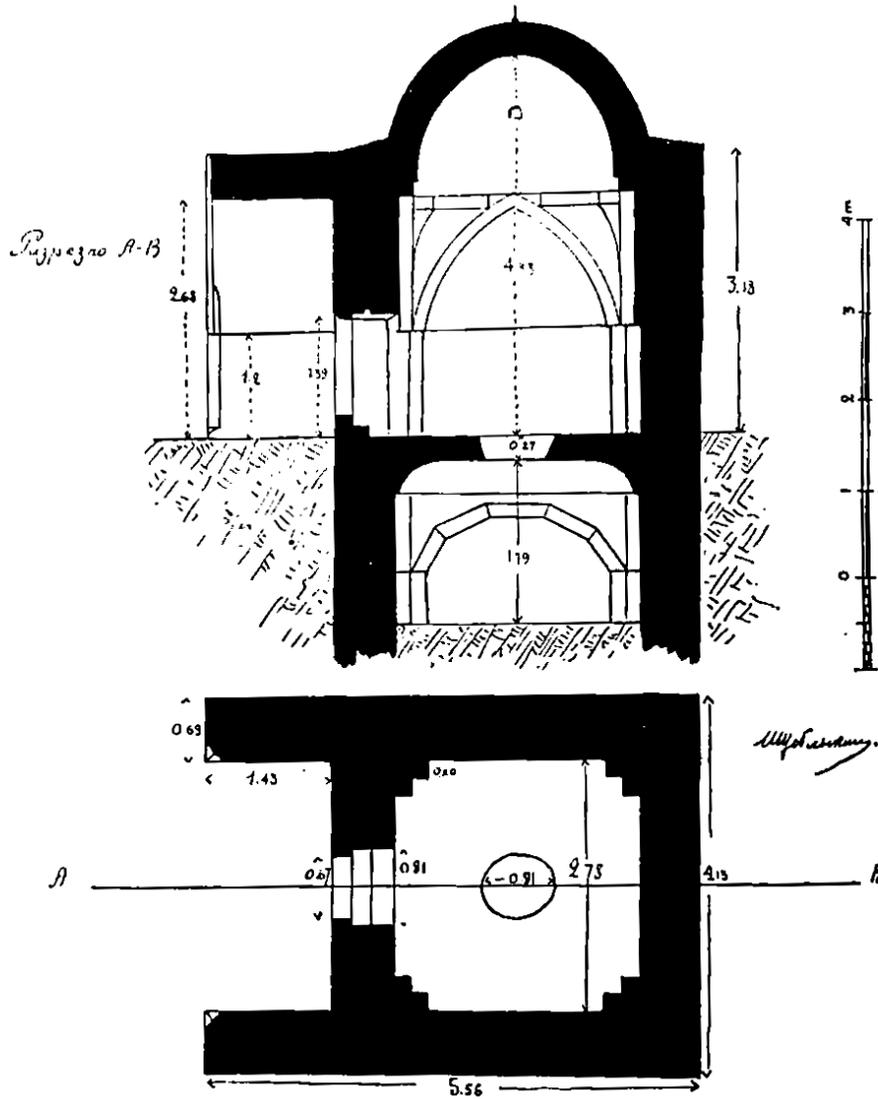
Подводя итоги, отметим, с самого момента «открытия» памятника появились два разных объяснения: русско-европейское, т. е. логичное, и местное, т. е. мифическое. Со временем голос местного населения стал звучать все громче и громче, и стало понятно, что ингуши попросту присвоили памятник себе, сделав из него могилу нартов. Изначальная датировка (начало XV века), направляет исследователя в сторону крымских племен борганы. «В конце XV в. борганы были оттеснены к устью реки Сунжи до села Брагуны прибывшим с запада кабардинским народом. Позже, в XVI–XVII вв., начавшие спускаться с гор на плоскость чечено-ингушские племена отодвинули кабардинцев на запад»³⁹. Поэтому борганский мавзолей является сооружением, совершенно чуждым культуре Ингушетии.

В преданиях все слои этого исторического процесса отражаются по-разному. Оказывается, народ выткал свои мифы из ткани истории, и этот процесс продолжается до сих пор.

³⁸ Далгат, Б. К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. № 1, год 13-й, кн. XLVIII. М., 1901. С. 52–54.

³⁹ Базоркин, М. М. (сост.) Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд. 1964. С. 47.

Вертикальный и горизонтальный разрез мавзолея Борга-каш

Литература

1. Албогачиева М. С. Места паломничества в Ингушетии // Кунсткамера. Санкт-Петербург, 2 (4) 2019. С. 230–241.
2. Алироев И. Ю. Язык, история и культура вайнахов. Грозный, 1990. 346 с.
3. Базоркин М. М. (сост.) Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-ингушское книжное изд. 1964. 50 с
4. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть II. Москва: Типография С. Селинановского, 1823. 485 с.
5. Вертепов Г. Ингуши // Туземцы Северного Кавказа: Историко-статистический очерк. Владикавказ, Вып. I: Осетины, ингуши, кабардинцы. 1892. С. 71–138.
6. Далгат Б. К. Страничка из северокавказского богатырского эпоса // Этнографическое обозрение. № 1, год 13 й, кн. XLVIII. Москва, 1901. С. 35–85.
7. Дубровин Н. Ф. Чеченцы // История войны и владычества русских на Кавказе: Т. I: Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн. 1: Кавказ. Санкт-Петербург, 1871. С. 367–496.
8. Гильденштедт, И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. (перевод с немецкого языка Т.К. Шафрановской). СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 508 с.
9. Головинский П. И. Заметки о Чечне и чеченцах // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. С. 248–249.
10. Гумба Г. Дж. Нахи: Вопросы этнокультурной истории (I тысячелетие до н. э.). М.: Абгосиздат, 2018. 552 с.
11. Лавров Л. И. Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXI. Москва, 1963. С. 285–287.
12. Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа: на арабском, персидском и турецком языках. Часть I. Москва.: Наука, 1966. 295 с.
13. Лаудаев У. Чеченское племя (с примечаниями) // Сборник сведений о кавказских горцах. VI. Тифлис, 1872. С. 1–62.
14. Мальсагов А. О. Нарт ортсхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970. 179 с.
15. Пантюхов И. И. Ингуши: Этнографический антропологический очерк // Сказания об ингушах. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет, 1991. С. 56–71.

16. Фон Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 гг. по приказанию русского правительства Юлиусом Фон Клапротом, придворным советником его величества императора России, членом Академии Санкт Петербурга и т. д.; Нальчик, 2008. 221 с.

17. Шифнер А. А. (изд.) Осетинские тексты, собранные Д. Чонкадзе и В. Цороевым. Приложение к XIV му тому записок императорской академии наук. № 4. Санкт-Петербург, 1868. 108 с.

18. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. 238 с.

19. Щеплыки И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Владикавказ: Ингушский институт краеведения, 1928. 30 с.

20. Щеплыкин И. П. Путеводитель по ингушской автономной области. Владикавказ: Ингушский институт краеведения, 1929. 98 с.

21. Юдин П. Л. К истории кабардинского народа // Терские ведомости, № 242. Владикавказ, 1912.

THE MAUSOLEUM OF BEKSULTAN – PART 1: NAKH MYTHS ARE THE STUFF THIS MONUMENT IS MADE OF

Alice Smith

Chechen State University
Grozny, Russia

Abstract. *The mausoleum of Beksultan, better known as Borga Kash, is shrouded in mythology as it does not look like any monument in the region, nor does anyone really know who was buried in it. By systematically studying the written documentation from 1748 to 1901, it became clear that the Ingush, because of their rich oral tradition, wove numerous legendary tales around the monument incorporating various layers of history and making the monument inherently part of their own heritage by claiming that the nart ortskhoi, heroes of their most ancient saga, were buried there.*

The vast amount of material available on the topic necessitated the article to be limited to the first 150 years of research and leaves room for another article based on more modern research. The aim of this article is to show how the two worldviews, that of Russian

research and Nakh oral tradition, collided and then over time, how the latter became more dominant and turned Borga Kash into a myth making factory.

Keywords: *Nakh oral tradition, nart ortskhoi saga, cultural heritage, Borga Kash, monument, mythology.*

For citation: **Smith Alice.** The Mausoleum Of Beksultan – Part 1: Nakh Myths Are The Stuff This Monument Is Made Of. *Journal of the Russian Studies.* 2021;2(1):37–56. (In Russ.)

References

1. Albogachieva M. S. G. Mesta palomnichestva v Ingushetii // *Kunstkamer. Sankt-Peterburg.* 2 (4) 2019. Pp. 230–241. (In Russ.)
2. Aliroev I. Yu. *Yazyk, istoria i kultura vainakhov.* Grozny, 1990. (In Russ.)
3. Bazorkin M. M. (sost.) *Pamyatniki srednovekov'ia v gornoi Checheno-Ingushetii.* Grozny: Checheno-Ingushskoe izd. 1964. (In Russ.)
4. Bronevskii S. M. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestia o Kavkaze. Chast' II.* Moscow: Tipografie S. Selinanski's, 1823. (In Russ.)
5. Dalgat B.K. *Stranichka iz severokavkazskoe bogatyrskogo eposa // Etnograficheskoe obozrenie.* N. 1, god 13 i, kn. XLVIII. Moscow, 1901. Pp. 35–85. (In Russ.)
6. Dubrovin N. Th. *Chechentsy // Istoria voiny i vladychestva russkix na Kavkaze: T. I: Ocherk Kavkaza i narodov ego naseliyuschix.* Kn. 1: Kavkaz. Sankt-Peterburg. 1871. Pp. 367–496. (In Russ.)
7. Güldenstädt J. A. *Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg. (perevod s nemetskogo yazyka T. K. Shaframovskoi).* Sankt-Peterburg. Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. (In Russ.)
8. Golovinski P. I. *Zametki o Chechnie i chechentsax // Sbornik svedenii o Terskoi oblasti.* Vladikavkaz, 1878. Pp. 248–249. (In Russ.)
9. Gumba G. Dzh. *Nakhi: Voprosy etnokulturnoi istorii (I tisyacheletie do n. e.).* M.: Abgosizdat, 2018. (In Russ.)
10. Lavrov L. I. *Epigraphical museums of the Northern Caucasus: in Arabic, Persian and Turkish languages. Part I.* Moscow: Nauka, 1966. (In Russ.)
11. Lavrov L. I. *Novye materialy po arabiskoi epigrafike na Severnom Kavkaze // Sbornik Museya antropologii i etnografii.* T. XXI. Moscow, 1963. Pp. 285–287. (In Russ.)
12. Laudaev U. *Chechenkoe plemia (s primechaniami) // Sbornik svedenii o Kavkazkix gortsax.* VI. Tiflis, 1872. Pp. 1–62. (In Russ.)

13. Mal'sagov, A. O. Nart ortsoisiki epos vainaxov. Grozny, 1970. 179 p. (In Russ.)
14. Pantyukhov I. I. Ingushi: Etnograficheskii antropologicheskii ocherk // Skazanie ob ingushax. Grozny: Checheno-Ingushskii gosudarstvennyi universitet, 1991. Pp. 56–71. (In Russ.)
15. Shiphner A. A. (izd.) Osetinskie teksty, sobrannye D. Chonkadze I V. Tsoroevym. Prilozhenie k XIV mu zapisok imperaterskoi akademii nauk. N. 4. Sankt-Peterburg, 1868. (In Russ.)
16. Shteder L. L. Dnevnik puteshestvia iz pograničnoi kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predpriniatogo v 1781 godu. Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2016. (In Russ.)
17. Scheblynkin I. P. Iskusstvo ingushei v pamyatnikakh material'noi kul'tury. Vladikavkaz: Ingushskii institut kraevedenia, 1928. (In Russ.)
18. Scheblynkin I. P. Putevoditel' po ingushkoi avtonomnoi oblasti. Vladikavkaz: Ingushskii institut kraevedenia, 1929. (In Russ.)
19. Vertepov G. Ingushi // Tuzemtsy Severnogo Kavkaza: Istoriko statisticheskii ocherk. Vladikavkaz, Vyp I: Osetiny, ingushi, kaberdintsy. 1892. Pp. 71–138. (In Russ.)
20. Von Klaproth J. H. Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godax po prikazaniyu russkogo pravitel'stva Yuliusom Fon Klaprotom, pridvornym sovetnikom ego velichestva imperatora Rossii, chlenom Akademii Sankt-Peterburga i t. d. Nalchik, 2008. (In Russ.)
21. Yudin P. L. K istorii kabardinskogo naroda // Terkskie vedomosti, N. 242. Vladikavkaz, 1912. (In Russ.)

Автор публикации

Author of the publication

Смит Элис – аспирант Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.
E-mail: alice.in.russia@gmail.com

Smith Alice – PhD student, Chechen State University, Grozny, Russia.
E-mail: alice.in.russia@gmail.com

Дата поступления 15.02.2021.

Принято к публикации 27.03.2021.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Предисловие от редакции

Джанет Хартли – друг Казанского университета, она была почетным гостем Первого международного научно образовательного фестиваля Александр-фест. Книга “The Volga: A History of Russia's Greatest River” (Yale University Press. 2021. 400 pp.) была написана и как результат глубоких исследований, и по личным впечатлениям. Книга получила высокую оценку исследователей всего мира. С разрешения автора мы публикуем фрагмент книги.

На фотографиях: Джанет Хартли в Казанском университете.

THE VOLGA: A HISTORY OF RUSSIA'S GREATEST RIVER

Janet Hartley

j.m.hartley@lse.ac.uk

London School of Economics and Political Science

London, Great Britain

Abstract. *A rich exploration of the Volga – the first to fully reveal its vital place in Russian history. The river has played a crucial role in the history of the peoples who are now a part of the Russian Federation – and has united and divided the land through which it flows. The history of Russia is studied through the Volga from the seventh century to the present day. It is an artery for trade and a testing ground for the Russian Empire's control of the borderlands, at how it featured in Russian literature and art. This vibrant account unearths what life on the river was really like, telling the story of its diverse people and its vital place in Russian history.*

Keywords: *Volga, Russian history, Russian Empire, Russian literature and art.*

For citation: Hartley J. The Volga: a History of Russia's Greatest River. *Journal of the Russian Studies*. 2021;2(1):57–72.

Why write a history of the river Volga? The main reason, of course, is that it is one of the great rivers of the world, along with the Nile, the Mississippi, the Yangtse and the Amazon. It is the longest river in Europe at 3,530 km, although not the longest in Russia of course, and the river basin the largest in Europe providing along with its major tributaries the water and drainage for the most populous part of Euro-

pean Russia. The sheer size and volume of the river has always impressed travelers from Russia and abroad and is still a great draw for tourists from all over the world.

There were other reasons, however, why I wanted to write a history of this river for a non-specialist English speaking readership. It had to be a domestic history of Russia to balance the fact that much of Western more popular scholarship concerns the relationship of Russia with the West, and its rise to Great Power status in the eighteenth century and the threat of the Soviet Union in the Cold War period. I wanted to show how important the river was in the history of Russia, both for trade and also for the evolution of the Russian empire and the Soviet Union. It was also very important to show that the Russian Empire was a multi ethnic and multi religious state, in Europe as well as in Asia. When Ivan IV conquered Kazan and Astrakhan he acquired for the first time a large non ethnically Russian and non Christian population. The middle and lower Volga regions became a testing ground for the way in which the Russian state asserted its control over non Russian regions. Finally, the Volga became a cultural 'icon' for Russia: the image of the Volga evolved over the eighteenth and nineteenth centuries but has become a symbol of Russianness and Russian (and Soviet) identity.

I could not write a book on the Volga without seeing it properly. I had seen the river at Uglich and Iaroslavl earlier on a cruise from Moscow to St Petersburg. My first act before writing this book was to take a cruise, in late 2017, from Astrakhan to Nizhnii Novgorod, which called at Volgograd, Saratov, Samara, Kazan and Cheboksary. That was important for me to appreciate the sheer size of the river, the difficulties of communication across it and the ethnic diversity of towns like Astrakhan and Kazan. I then had three splendid trips to Kazan, during which I worked in the archives, visited many parts of the town and took trips from Kazan to Bolgar, Sviiazhsk and Ioshkar Ola. I should like to record

my thanks to the Federal University of Kazan and my friends in Kazan who made this both possible and enjoyable, I also visited Tver' in September 2018, from whence we visited the source of the Volga. My last visit was to Ulianovsk and Kazan in November 2019. It was important for me to see the Volga in different seasons, if only to explain to an English language readership that the river could be frozen for up to five months of the year.

I structured the book both chronologically and thematically. There are two introductory chapters covering the period before 1552, 10 chapters on the imperial period (divided into two sections: Violence and Control on the River; Life and Identity on the River) and 5 chapters on the Soviet and post Soviet period. But throughout I have tried to show not simply what happened on the Volga but also how people lived on the river, whether that was in the Khazar and Bolgar states or during modernisation in the late nineteenth and early twentieth centuries or under collectivisation in the 1930s or during the Second World War, and whether it was in a village or a major town like Kazan.

There is considerable secondary literature on the Volga, in Russian and English, which I have used including the valuable seven volume *History of the Tatars since Ancient Times*, published by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. I have used primary sources where I can. I have drawn heavily on traveller accounts, starting with Ibn Fadlan who met Vikings on the Volga on his mission to the Bolgar ruler in the tenth century, and then using the many British and other foreign accounts of the eighteenth and nineteenth centuries where the travellers were fascinated in particular with the extent and variety of goods traded on the Volga and the multi ethnic composition of towns like Astrakhan and Kazan and the fair at Nizhnii Novgorod. I have used literature in its broadest definition – from popular songs and

legends about Cossack rebels on the Volga to formal odes presented to Catherine II, nineteenth century novels, poetry and plays and contemporary literature (including the Tatar writer Guzel Yakhina). This book is not intended to be a scholarly study of archival material, but I have drawn on archival material from Samara, Iaroslavl' and, most of all, from Kazan. That archival material illustrates in particular the reality of life on the Volga in the imperial period including: the conflicts between converted Orthodox Tatars and Muslim Tatars; the economic activity of Old Believers; the participation of Tatar merchants in administration in Kazan; conflict over education in the late nineteenth century.

There are four main themes which run throughout the book, and I will illustrate each theme with particular reference to Kazan. They are:

For trade and commerce;

As a meeting place of different peoples, ethnicities, religions, and cultures;

In conflict and Empire/Soviet state building;

For the evolution of Russian and non Russian culture and identity.

The Volga in Trade and Commerce

The river Volga was always crucial for trade and commerce. The capital of the early states, Khazar and Bolgar and the khanates of Kazan and Astrakhan, were situated on the river for that very reason. Vikings sailed down from the north in search of silver coins and furs. Goods came mainly from the south and the east and included grain, furs, timber, salt, silver, tea and spices. In the eighteenth century a complex network of canals was constructed so that goods could come up the Volga as far as St Petersburg and then be exported overseas. In the nineteenth century the fair at Nizhnii Novgorod attracted traders from all over the world, from China to Manchester. The railways both under-

mined and enhanced Volga trade, but served to divide as well as unite the people on both banks of the river until the construction of railway bridges. The last chapter of the book looks at the impact of the massive hydroelectric stations on the river in the Soviet period. The flow of the Volga can now be controlled, but I end the book by discussing the on going ecological problems which have ensued.

Foreign visitors to the Volga were fascinated by the multi ethnicity of the trading communities of Volga towns. Astrakhan was the most diverse, with separate quarters, and legal institutions, for Persians, Indians, and Armenians as well as Russians. But the composition of Kazan also fascinated visitors. Others see very mixed: Baron Haxthausen, the German scientist and agriculturalist, visited the bazaar in Kazan in the mid nineteenth century and found 'Russians, Tatars, Tcheremiss, Votkiaks, Mordvins etc. there was much noise and running about, and many stout, ugly women, and good looking men'¹. Other towns in Kazan gubernii also had different quarters for different ethnic groups. In 1858 it was estimated that over 10,000 Tatars lived in the small town of Chistopol (granted status as a district town within Kazan province in 1781)². The lifestyle of Tatar merchants, and the extent to which this not only differed from Russian merchants but could be characterise as 'Asiatic' also intrigued visitors. In the mid nineteenth century the traveller Edward Turnerelli found that in wealthy Tatar houses 'the sofas, chairs, and tables are placed around the room according to the European fashion' but that rich Tatar ladies in Kazan lived a life of luxury and idleness in what he regarded as an oriental manner:

A rich Tatar woman, hardly has she left her bed, when she begins her daily task of painting her face rouge and white; then she

¹ Haxthausen August von. *The Russian Empire; its People, Institutions, and Resources*, translated by Robert Fairie. London, 1854. Vol. 1. P. 329.

² *Istoriia Tatarskoi ASSR*. Kazan, 1955. Vol. 1. P. 237.

clothes herself in gaudy vestments of gold and silver texture, puts on her various ornaments, rings, necklace, bracelets et etc.; and this done, she throws herself on the soft Turkish sofa, on which she almost lies buried³.

Kazan was a great trading town and port but Russians and Tatars also came into contact in villages, and in this book I emphasise the contacts between Russian and non Russian peasants. In practice, Tatars and Russians lived in the same villages on the Volga, but usually only when the Tatars had converted to Christianity. The village of Alkeevo in Chistopol uezd was home to 151 Tatars and 60 Russians in the eighteenth century and the nearby village of Mamykovo was home to 182 Russians and 42 Tatars⁴, but these were almost certainly converted Tatars. Dr Tomachev travelled through Kazan province in the middle of the nineteenth century. He reported whether the village was populated by Russians, Tatars or converted Tatars, but noted villages where Muslim and converted Tatars lived together. In one Tatar village he recorded 7 Muslim families and 7 "Tatar Christians"⁵. But Tatars also peddled goods in the countryside and there is evidence that Russian peasants adopted some of the foodstuffs, agricultural implements and clothing of their neighbours. The Marquis de Custine remarked in Nizhnii Novgorod province in the 1840s that: Some of the peasants in this part of Russia wear white tunic shirts, ornamented with red borders: the costume is borrowed from the Tartars⁶.

³ Turnerelli Edward. *Russia on the Borders of Asia, Kazan, Ancient Capital of the Tatar Khans*, London, 1854. Vol. 2. Pp. 17, 30.

⁴ Alishev S. Kh., *Istoricheskie sud'by narodov Srednego Povolzh'ia XVI – nachalo XIX v.* Moscow, 1990. P. 110.

⁵ Tolmachev N. A. *Putevye zametki N. A. Tolmacheva o zhizni i byte krest'ian Kazanskoj gubernii v seredine XIX v.* Sbornik dokumentov i materialov. Kazan, 2019. Pp. 72.

⁶ Custine A. -L. -L. de. *The Empire of the Czar*. London, 2nd edn, 1844. Vol. 3. P. 187.

The Volga as the Meeting Place of Different Peoples

The river Volga attracted traders and settlers from all over Russia and beyond (and not just from the east – German settlers were encouraged to settle in the Saratov by Catherine II in the 1760s). The population of the khanates of Kazan and Astrakhan were primarily Tatar but also comprised Chuvash, Kirghiz and Kalmyks. The middle and lower Volga regions became the great meeting place where Russians and non Russians fought each other, traded, and often co existed. I wanted to stress for the English speaking readership that European Russia was and still is home to many non ethnic Russians. I have tried to focus on how people lived – in towns, villages and on the river but particularly on how different ethnic groups related to each other. When I discuss the Civil War, collectivisation and the purges I have made use of sources and memoirs by and about non ethnic Russians to show for example, the impact of requisitioning and collectivisation on Tatar, Mari and Chuvash villages and the impact of the purges on non ethnically Russian politicians and intellectuals.

Catherine II, as we know, saw Kazan was the border of her Empire between Europe and Asia. 'I am in Asia' she wrote to Voltaire. She further enthused that 'there are in this town twenty diverse sets of peoples who in no way resemble each other'. ⁷ She made a point of visiting the Tatar quarter in the town where a public holiday was held in her honour. In what seems to modern reader to be a rather grotesque event, representatives of different ethnic groups – Tatars, Chuvash, Mordvins, Udmurts, Mari – were presented to her and her entourage at the governor's house in national costume and danced for her⁸.

⁷ Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva, St. Petersburg, 1872. Vol. 10. P. 204.

⁸ Ibneeva G. B., 'Puteshestvie Ekateriny II po Volge v 1767 gody: uznvanie imperii'//Ab imperio. 2, 2000. P. 100.

A key way in which the Russian government tried to assert control over its new territorial acquisition was in policies of forced conversion to Orthodoxy, in waves from the second half of the sixteenth century to the nineteenth century. To me, this is one of the most fascinating aspects of the history of the Volga, because it reveals the almost obsessive occupation of the government authorities with the reconversion of even a few individuals to Islam in the nineteenth century. According to the legislation of 1756, Tatars were only allowed to retain or build mosques in villages which were exclusively populated by Muslim Tatars and where the Tatar inhabitants numbered between 200 and 300 males. It also demonstrates the ways in which different peoples interacted, with both violence and sometimes with a degree of sensitivity, and the human cost of resettlement and conflict. It is also the area where I have made use of the rich resources of the archives of the Republic of Tatarstan in Kazan.

To give just a couple of examples of displacement caused by the fear of reconversion: some 1,200 converted Tatars who had reverted to Islam were resettled from Chistopol district in 1843⁹. In 1860, Muslim Tatars from the same district were resettled because of their allegedly 'fanatical beliefs'¹⁰. The human costs of these conflicts can be seen from particular cases. In Kazan province in 1873, the local teacher of a school for converted Tatars, reported on the pressure ('tyranny' as one of the victims put it) put on his pupils from Muslim Tatars in the same or neighbouring villages, including from parents and close relations. He presented a number of personal testimonies, including that of a fourteen year old boy who had been sworn at and beaten by his parents and by other relatives in order to try to persuade him to reconvert to Islam. Crowds of Muslim Tatars had put pressure on Christian Tatars attend-

⁹ Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstana (hereafter NART), fond 1, opis' 2, delo 399, Chancellery of the Kazan' Governor, 1843.

¹⁰ NART, fond 1, opis' 2, delo 1632, Chancellery of the Kazan' Governor, 1860-61.

ing church, telling them that the law now allowed them to reconvert to Islam, blocking their path to church and being abusive and attacking them. Christian Tatars had water and stones thrown at them at the market. The result was that many of the teacher's pupils had indeed reconverted to Islam¹¹. Compromises were, however, possible. In 1897 a religious procession of Orthodox Chuvash peasants in Simbirsk province went through a Muslim Tatar village whereupon the Tatars blocked the road, threw stones and disrupted the procession. The police had to intervene and accompany the procession, although it was reported that the peasants displayed some sensitivity and did not sing as they passed through the village and covered the cross¹².

The Volga, Conflict and the Evolution of the State

The Volga was crucial in state building: the desire to control the river was a main cause the basis of the struggles between Khazaria and Kieven Rus, between Khazaria and Bolgar, between Muscovy and the Golden Horde and the Khanate of Kazan and accounted for Ivan IV's determination to conquer Kazan and Astrakhan. The Russian state had to assert control over the middle and lower Volga and did so through a combination of force – the construction of garrisons on the river which became towns, the presence of soldiers, the crushing of Cossack rebels by the end of the eighteenth century the establishment of Russian administrative organs and officials, and the settlement of Russian landowners and serfs, first through monasteries and then by the granting of estates as a reward for service to the state (to Tatar nobles as well as Russians). Russian control was also established through the export of Russian culture, be it through the standardisation of architecture, the

¹¹ NART, fond 1, opis' 3, delo 3068, ll. 17-26ob, Chancellery of the Kazan' Governor.

¹² Nikolaev Gennady. 'The World of a Multi-Confessional Village' // The History of the Tatars since Ancient Times. Kazan, 2017. Vol. 6. P. 614.

opening of theatres, or school syllabuses in which the Russian language was dominant. In the twentieth century, the Volga was at the forefront of major conflicts, in the Civil War and, of course, at the battle of Stalingrad (and Rhzev).

Kazan was subjected to brutal suppression after the conquest of 1552. Russian power was asserted through military and bureaucratic presence, manifested in the construction of the kremlin which dominated the town, and the river. At the same time, the Russian empire always allowed, or encouraged, significant groups of non Russians to have their own institutions, partly in recognition of their separateness but mostly it has to be said because this was a cost efficient way of running lower level administration. In Kazan, Tatars had their own institution, the Tatar *ratusha* whose records have been preserved for the years 1782 to 1799. It acted as court for disputes over bills of exchange but also serious crimes such as theft and even murder. It also acted as forum where improper behaviour of family members could be judged, including several cases from wives where husbands were accused of drunken behaviour and of insulting, dishonouring or assaulting their wives, which could be used as ground for divorce or as a means to punish and control unruly children¹³.

In the nineteenth century, however, it also became a centre of Russian culture and scholarship. By the end of the nineteenth century literacy rates had reached over 50 per cent in major towns like Kazan, but were lower in smaller towns 34 per cent, for example, in Chistopol¹⁴. Opera houses and theatres presented Russian, European, culture. The young Lev Tolstoy attended concerts, balls and plays in Kazan while he was a student there in the 1840s and particularly admired the actor Aleksandr Martynov who acted in Russian and foreign produc-

¹³ NART, fond 22, opis' 2, dela 12, 107, 181, 247, 284, 345, 385, 497, Kazan' Tatar ratusha, 1785, 1789.

¹⁴ Zorin A. N. Goroda i posady dorevoliutsionnogo Povolzh'ia, Kazan, 2001. P. 136.

tions. Above all, the young Tolstoy enjoyed evenings of so called 'living pictures', that is actors posing in scenes, which were held in the homes of the local nobility¹⁵. Edward Turnerelli noted that the theatre in Kazan attracted large audiences, in the mid nineteenth century although he was scathing about the actor taking the part of Hamlet (!) who, in his words, 'would have constituted an admirable ghost, but made a sorry one of the ghost's son'¹⁶. The establishment of the University of Kazan in 1804 was indicative of Kazan's special place in the Empire, not only as the dominant city on the middle and lower Volga but also as a bridge between East and West. Students were drawn from all regions of the Volga but also from the Urals and Siberia. The university taught Arabi from 1829 and Mongolian from 1833 and published books in Arabic and Tatar.

The Volga and Culture and Identity

The Volga has a special place in Russian culture and identity. I trace this evolution through in the book from the legends about the taming of the river at Sviiazhsk by Ivan IV, to the formal odes delivered to Catherine II after her visit to Kazan in 1767, where the river becomes 'obedient' to the will of the Empress, to the literature of the nineteenth century where the Volga takes on a special place as the protector of the Russian people. The source of the Volga was sacralised in the late nineteenth century, and has been re sacralised today. That romantic element of the river is extended in the twentieth century to encompass all the Soviet people, through popular films like *Volga, Volga*. The river is depicted as not only of crucial strategic importance in determining the outcome of the battle of Stalingrad but also as a cherished boundary which the Germans should not defile. The murals at the complex in Vol-

¹⁵ Bushkanets E. G. *Iunost' L'va Tolstogo: Kazanskie gody*. Pp. 79, 89.

¹⁶ Turnerelli Ed. *Russia on the Borders of Asia, Kazan*. Vol. 1. P. 230.

gograd only show Germans crossing the river as defeated prisoners of war. I also look at parallel developments in painting, and at the growth of, Russian, tourism on the Volga.

The river is therefore a key element in the formation of a Russian and then a Soviet identity. But the population of the river were not exclusively ethnic Russians. I make a particular point in the book of looking at the evolution of a *Volga* Tatar identity, centred in Kazan in the second half of the nineteenth century and epitomised today in the memorial complex at Bolgar and the and the construction of the Kul Sharif mosque inside the kremlin in Kazan. In the late nineteenth century the assertion of Tatar identity manifested itself in the conflict over the teaching of Russian in schools. The Russo Tatar school in Astrakhan, for example, in 1896-97 taught 11 hours of Russian per week alongside 3 hours of Tatar language in the lower and middle classes and 14 hours in the upper class, far more than any other subject¹⁷. Many of these discussions were conducted through Tatar newspapers in Kazan, itself an indication of the vigour of debate over religion and education amongst the Tatar educated elite by this time. This book is not a contemporary analysis of the relationship between Tatarstan, and the other republics within the Russian Federation, with the government in Moscow. But I trace the history of Tatarstan from the Civil War through the Soviet and post-Soviet period to the present day.

I was conscious when I wrote this book that the Volga is not only as a *Russian* river but also a Chuvash, Tatar and Kalmyk river. The extent, and richness, of Russian literature on the Volga in the nineteenth century make it difficult to get a sense of other perceptions. As a Tatar journalist wrote in 1990:

¹⁷ Samatova Ch. Kh., *Imperskaia vlast' i Tatarskaia shkola vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Kazan*, 2013. P. 232.

One just need to attend history classes at school, when, at the description of the horror of the Tatar Mongol invasion, the whole class turns to look at you; watch films in which glorious Russians perish at the hands of savage Tatar; get used ... to the idea that the Volga is a great Russian river...¹⁸

And I, of course, do not know Tatar or Chuvash, and rely on sources in Russian or about Russia. But there are translations of Tatar poetry into English and I was very pleased to be able to include them in this book, to try to create some sense of balance. I will end with this poem by Iffat Tutash (the pen name of Zahida Burnasheva). She was born in the Russian town of Riazan in 1895, and educated at a Tatar girls' school, before working as a journalist and holding several government posts. Her poem 'The Volga' also contains several descriptive features which echo Russian language poems about the river:

To the Volga this heart of mine I compare
For is it not true some resemblance they keep?
Like the Volga my heart is sweeping and wide;
Like the river's strong current it runs so deep.

...

At sunset the Volga is bathed in pure light;
When illuminated by love, then my heart is the same.
Like the waves of the Volga, caressed by the sun.
The flower that grows in my heart is the same¹⁹.

¹⁸ Quoted in Sergei Kondrashov, *Nationalism and the Drive for Sovereignty in Tatarstan, 1988 -92 // Origins and Development*, London and Basingstoke, 2000. P. 64.

¹⁹ *Historical Anthology of Kazan Tatar Verse: Voices of Eternity*, compiled and translated by David J. Matthews and Ravil Bukharev, Richmond, 2000. P. 156.

References

Haxthausen August von. The Russian Empire; its People, Institutions, and Resources, translated by Robert Fairie. London, 1854. Vol. 1.

Istoriia Tatarskoi ASSR. Kazan, 1955. Vol. 1.

Turnerelli Edward. Russia on the Borders of Asia, Kazan, Ancient Capital of the Tatar Khans. London, 1854. Vol. 1, 2.

Tolmachev N. A. Putevye zametki N. A. Tolmacheva o zhizni i byte krest'ian Kazanskoi gubernii v seredine XIX v. Sbornik dokumentov i materialov. Kazan, 2019.

Custine A. L. L. de. The Empire of the Czar. London, 2nd edn, 1844. Vol. 3.

Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. St-Petersburg, 1872. Vol. 10.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Chancellery of the Kazan' Governor, 1843. Fond 1, opis' 2, delo 399.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Chancellery of the Kazan' Governor, 1860–61, fond 1, opis' 2, delo 1632.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Chancellery of the Kazan' Governor, fond 1, opis' 3, delo 3068, ll. 17–26ob.

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan, Kazan' Tatar ratusha, 1785, 1789, fond 22, opis' 2, dela 12, 107, 181, 247, 284, 345, 385, 497.

Alishev S. Kh. Istoricheskie sud'by narodov Srednego Povolzh'ia XVI – nachalo XIX v. Moscow, 1990.

Ibneeva G. B. 'Puteshestvie Ekateriny II po Volge v 1767 gody: uznovanie imperii' // Ab imperio. 2, 2000.

Nikolaev Gennady. 'The World of a Multi Confessional Village' // The History of the Tatars since Ancient Times. Kazan, 2017. Vol. 6.

Zorin A. N. Goroda i posady dorevoliutsionnogo Povolzh'ia. Kazan, 2001.

Bushkanets E. G. Iunost' L'va Tolstogo: Kazanskie gody. Kazan, 2008.

Samatova Ch. Kh. Imperskaia vlast' i Tatarskaia shkola vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Kazan, 2013.

Kondrashov S. Nationalism and the Drive for Sovereignty in Tatarstan, 1988 – 92 // Origins and Development. London and Basingstoke, 2000.

ВОЛГА: ИСТОРИЯ САМОЙ ВЕЛИКОЙ РЕКИ РОССИИ

Д. Хартли

Лондонская школа экономики и политических наук
г. Лондон, Великобритания

Аннотация. *Это исследование реки Волга, вероятно, первое, полностью раскрывающее ее жизненно важное место в истории России. Волга сыграла решающую роль в истории народов, ныне входящих в состав Российской Федерации, объединила и разделила землю, по которой она протекает. История России изучается через Волгу с седьмого века до наших дней. Это торговая артерия и испытательный полигон для контроля Российской Империи над приграничными территориями в том виде, в каком это фигурирует в русской литературе и искусстве. Этот яркий отчет раскрывает, на что на самом деле была похожа жизнь на реке, рассказывая историю ее разных народов и ее жизненно важного места в истории России.*

Ключевые слова: *Волга, история России, Российская империя, русская литература и искусство.*

Для цитирования: Хартли Д. Волга: история самой великой реки России. *Российские исследования.* 2021;2(1):58–72. (In English)

Автор публикации

Хартли Джанет – Лондонская школа экономики и политических наук, г. Лондон, Великобритания.
E-mail: j.m.hartley@lse.ac.uk

Author of the publication

Janet Hartley – London School of Economics and Political Science, London, Great Britain.
E-mail: j.m.hartley@lse.ac.uk

Дата поступления 15.01.2021.

Принято к публикации 03.03.2021.

КАШТАНЫ ДЛЯ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА: РОЛЬ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ТЫЛОВЫХ ГАРНИЗОНОВ В РАЗРУШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

А.А. Литвин, Д.И. Люкшин

Alexandr.Litvin@kpfu.ru; 1dlyuksh@kpfu.ru

Казанский федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. *Статья последовательно реконструирует на основе архивных материалов, материалов периодической печати и мемуаров события в Казани весной, летом и осенью 1917 года. Анализируется роль военных гарнизонов в том, как разворачивались события, которые в результате привели к событиям октября 1917 года. Показано, что большую роль сыграли настроения в войсках, которыми воспользовались те, кому были выгодны беспорядки и хаос.*

Ключевые слова: *1917 год, Казань, гарнизон, солдаты, общественно-политическое движение.*

Для цитирования: Литвин А.А., Люкшин Д.И. Каштаны для диктатуры пролетариата: роль провинциальных тыловых гарнизонов в разрушении российской государственности. *Российские исследования.* 2021;2(1):73–103.

В начале прошлого века революцию в России ждали все – все, кто мог приподняться над унылым однообразием повседневности. Кто-то, предвкушая её с восторгом, кто-то, замирая от ужаса. Было ясно, что изнывающий под бременем самодержавия император,

будучи не в силах противиться натиску прогресса, не удержит власти. Вопрос был лишь в том, кто твёрдой рукой направит корабль российской государственности к неизведанным, но, несомненно, счастливым берегам.

Традиционные надежды просвещённого общества на народ, который должен был бы понести с базара Белинского и Гоголя, с треском разбились о деревенские бунты. При этом собственно революционный потенциал деревни, как показали события 1902 и 1906 годов, оказался если и не нулевым, то исчезающе незначительным¹. Политический крах Выборгского воззвания и шкурные резоны «столыпинских саженцев» стали причиной разочарования оппозиции в крестьянстве², сделавшись причиной идеологического кризиса всего т. н. освободительного движения в России³.

Циники заговорили о «твёрдой руке», романтики – о пролетариате, классе новинке, «прекрасно показавшем» себя в Первой русской революции. Оппозиционные партии принялись прописывать программные положения для рабочих, а наиболее сообразительные – спонсировать и приручать рабочую стихию⁴. Приняв в рассуждение маргинальный характер российского мастерового класса и его откровенно хулиганские ухватки, можно сказать, что расчёт этот в целом был верен, и в феврале 1917 выпущенная и умелой рукой направляемая энергия рабочего бунта в Петрограде сыграла свою роль⁵, заслонив от глаз напуганного монарха общую картину напрягавшей последние силы для победы страны.

¹ См.: Люкшин Д. И. Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань, 2017. С. 37–77.

² См.: Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. Москва, 2006. С. 47–65.

³ См.: Литвин А. А. Общественно-политическое движение в Поволжье, конец XIX– начало XX в. Российская историография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 225 с.

⁴ См.: Люкшин Д. И. Необоснованно списанные со счетов: российское крестьянство в политических коллизиях семнадцатого года // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2. С. 20–30; Галеева М. А., Люкшин Д. И. Канун Второй русской смуты: демография, экономика, политическая социология // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4. С. 164–70.

⁵ См.: Козодой В. И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. 256 с.

Возможно, дело и было бы сделано, как запланировали на январском совещании сговорившиеся за спиной Государя с союзниками «капитаны бизнеса» и лидеры политического класса⁶, или, как сформулировал Л. М. Каганович: «верхушка буржуазии, – что готовила дворцовый переворот»⁷, но чего то не хватало, не дотягивала столичная инсценировка даже до «симуляции революции» кадетами в 1905 году. Соответственно, и царь никуда не спешил. Поэтому, скорее всего, очередной думский демарш не вышел бы за рамки «бунта на коленях», если бы армия не предала своего командующего⁸. По компетентному мнению и категорическому суждению главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта, «главнокомандующие все изменники присяге и предатели своего государя!»⁹ Однако размеренному течению «дворцовой революции»¹⁰ помешали события в Петрограде, где в сценарий буффонады, спланированной заговорщиками для запугивания государя, вмешался «случай, бог изобретатель».

Взбунтовавшийся столичный гарнизон оказался настолько сильным и самостоятельным политическим актором, что его прямая апелляция к собравшейся в Таврическом дворце группе отставных депутатов Госдумы кардинально изменила содержание политического процесса, оставив в недоумении как участников, так и историков, вот уже более века пытающихся разобраться в том, кто же тогда отдавал команды лейб-гвардейцам запасного батальона Волынского полка, демарш которого в одночасье превратил уютный дворцовый переворот в общенациональную катастрофу. Между тем, гарнизонный бунт в Петрограде случился вне

⁶ См.: Давидсон А. Что понял и чего не понял лорд Милнер // Родина. 2017. № 2. С. 34–38.

⁷ Каганович Л. Памятные записки // Родина. 2017. № 11. С. 105.

⁸ Ганин А. Главком западного фронта Алексей Эверт: мы предали своего государя! // Родина. 2017. № 2. С. 49.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 758. Лл. 18-18об.

¹⁰ Mission to Russia. Report on Mission to Russia. Imperial War Museum Library. The Papers of Field-Marshal Sir Henry Wilson. General Papers. 3/12/54. P. 1-4.

прямой связи как с генеральской изменой, так и с буржуазным заговором, и оказался для новых властителей России или, как назвал их П. П. Рябушинский в своей речи на открытии Второго Всероссийского торгово-промышленного съезда, воцарившейся «в России шайки шарлатанов»¹¹, сюрпризом весьма неприятным, имевшим, как вскоре выяснилось, фатальные последствия для всего проекта патриотов-ренегатов. Утром 12 марта 1917 года в расположении полка был застрелен начальник учебной команды лейб-гвардии Волынского полка штабс-капитан Лашкевич. После такого преступления у убийц шансов уцелеть практически не было, если бы не удалось обратить позорное преступление в... подвиг. Взбудоражив новобранцев учебной команды, старший унтер-офицер Кирпичников, младший унтер-офицер Марков и ефрейтор Орлов¹² отправились поднимать соседние части и в конечном итоге оказались перед Таврическим дворцом¹³, где их и заметил А. Ф. Керенский, будущий Министр-председатель, а тогда «молодой депутат, создавший себе, как адвокат, репутацию на политических процессах» (М. Палеолог), близкий к отчаянию из-за почти состоявшегося провала революции. Едва накинув пальто, он спешит к выходу приветствовать солдат революции... Уже через несколько часов военные преступники из Волынских казарм получают свою индульгенцию, а собрание бывших депутатов бывшей Думы – свою Армию, первым солдатом которой и станет «Мордобой» Кирпичников¹⁴. Точнее, уже не солдатом, а прапорщиком: офицерское звание было присвоено ему «первым генералом» революции, новым командующим Петроградским гарнизоном, Л.Г. Корнило-

¹¹ Речь П. П. Рябушинского при открытии II Всероссийского торгово-промышленного съезда 3 августа 1917 г. // Второй всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 3-6 августа 1917 Москва, 1917. С. 3-8.

¹² Смирнов А. Час «Мордобоя» // Родина. 2017. № 2. С. 31.

¹³ Казармы волынцев и Таврический дворец находились недалеко друг от друга.

¹⁴ Прозвище это он получил за склонность к педагогическому насилию, которое обнаружил, муштруя новобранцев.

вым, который ещё и вручил Т.И. Кирпичникову первый Георгиевский крест нового образца (утверждённый лично А.Ф. Керенским) «за то, что... первым начал борьбу за свободу народа... и захватил пулемёты у полиции»¹⁵.

Впрочем, летом 1917 тыловики награждали не только в столицах. Двое солдат Казанского гарнизона удостоились Георгиевских медалей от Керенского за то, что остались на посту. Просто за то, что часовые не оставили своего поста. Правда, караул им выпал совсем не обычный. 14 августа 1917 года на Казанском казённом (пороховом) заводе¹⁶ в третьем часу дня взорвался один из рядных ящиков, уложенных на насыпи железной дороги для погрузки в вагоны. От разлетевшихся осколков взорвалось ещё несколько ящиков, потом ещё и ещё. Вскоре насыпь оказалась как бы под огнём нескольких батарей. Снаряды стали залетать на территорию завода. К четырём часам взрывы стали раздаваться в цехах и на складах. Жертв, однако, было немного. Заслышав первые взрывы, рабочие, солдаты рабкоманды, а за ними и жители Пороховской слободы кинулись бежать куда глаза глядят. О спасении завода никто, естественно, не помышлял. Только генерал Лукницкий, начальник завода, и организованная им небольшая группа служащих и рабочих пытались что-то предпринять. Спасение было реальным при условии дружных и решительных действий. Но большинство предпочитало спастись в одиночку. Группа Лукницкого незаметно таяла. После очередного разрыва генералу оторвало руку, и он рухнул на землю. Неожиданное происшествие побудило его спутников ретироваться, бросив начальника истекать кровью на заводском дворе. Вечером снаряды рвались уже в городе, некоторые перелетали через Кремль. В районе Порохового завода и в слободе бушевало пламя, с которым, осыпаемые осколками

¹⁵ Приказом по Петроградскому округу № 120 от 1 апреля 1917 г.

¹⁶ См.: Камско-волжская речь. 1917. 17 августа.

ми, пытались бороться пожарные. Население бежало из города. Ночь с 14 на 15 августа тысячи казанцев провели в лугах и лесах за городом¹⁷.

Но бежали не только обыватели. К ним присоединилась и часть гарнизона, после того как «обстрел» города со стороны завода прекратился, в гарнизоне недосчитались более полутора тысяч человек. Из них не все покинули город: в опустевшей Казани осталась масса солдат, которые выносили из брошенных квартир деньги, ценности и вещи. С мародёрами боролись поддерживавшие в эти дни порядок в городе юнкера и курсанты, патрули которых в очередной раз взяли на себя функции милиции. Настоящим героем «Пороховской катастрофы» стал начальник штаба Казанского военного округа полковник Караулов: он организовал работу по тушению пожаров, доставке противопожарного инвентаря, охране порядка в городе и поддержанию дисциплины в гарнизоне. Мужественно боролись с огнём пожарные. Солдаты, за редким исключением, отказывались покидать казармы, опасаясь за свои жизни. Впрочем, системы безопасности завода позволили избежать подрыва основной массы порохов и боеприпасов, а то, что досталось огню, взорвалось и выгорело в течение полутора суток. К вечеру 15 августа канонада стала стихать, и жители стали возвращаться в свои жилища.

В прилегающем к заводу районе (т. н. «Пороховской» или, как сейчас говорят, Пороховой слободы) разрушения были ужасны, жертвы значительны. Скорбели родственники, рыдали погорельцы, тужили ограбленные. Но солдаты гарнизона пребывали в приподнятом настроении. Как дети, радовались бородатые мужики тому, что взорвался-таки этот проклятый завод, значит, воевать теперь нельзя (снарядов-то нету), а потому ско-

¹⁷ Там же.

ро будет мир, и всех распустят по домам. Пожалуй, единственное, что подпортило служивым праздник, так это почётные похороны генерал лейтенанта Лукницкого. «Уж больно всё богато», – сетовали солдаты¹⁸.

В попытке найти героев, военный министр А. Ф. Керенский наградил двух часовых (двоих из всего караула), не бежавших с постов на заводе, Георгиевскими медалями 4 й степени¹⁹, правда, получить причитающиеся 12 рублей годовой доплаты, полагавшейся кавалерам, они вряд ли успели. Офицеры, юнкера и пожарные отмечены не были²⁰. В итоге военный комиссар Казанского военного округа, социалист-революционер, бывший политический ссыльный капитан Калинин констатировал общее неустойчивое состояние гарнизона²¹, который находился под влиянием бездействия властей и пропаганды радикальных партий, всегда принимавшей в войсках «крайне опасные и безответственные формы»²².

Очевидно, что некогда славная русская армия – во всяком случае, в её тыловой реинкарнации – сделалась полууголовным сборищем, состояние которого точно описал крестьянин Поков в своём послании в адрес I го съезда Советов: «...полным полно города шляющимися солдатами... все они оборваны, голодны, ходят без работы»²³. Лишившаяся кадровых офицеров, третируемая и гонимая, армия на 85 процентов состояла из призванных буквально «от сохи» крестьян и «неумолимым ходом перипетий войны превращалась в народное ополчение»²⁴. Состояние армии в полной мере отражало состояние общества.

¹⁸ См.: Заседание Комитета общественной безопасности // Камско-волжская речь. 1917. 20 августа.

¹⁹ Строго говоря, солдаты всего лишь выполнили требование устава, но дефицит героев девальвировал награды, поднимая до уровня подвига обычное исполнение служебного долга. Ясно, что часовых, самовольно оставивших пост, никто не наказал. И этот урок свободы солдаттики тоже выучили.

²⁰ См.: Камско-волжская речь. 1917. 7 сентября.

²¹ ГА РТ. Ф. 2750. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

²² Там же. Л. 14.

²³ Цит. по: Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии (Подготовка и проведение Октябрьского мятежа) 1917–1918. Иерусалим, 1982. С. 167.

²⁴ Френкин М. Указ. соч. С. 10.

Казанский военный округ (далее – КВО) был одним из крупнейших внутренних округов России, в него входили 98 гарнизонов, расположенных в 10 губерниях и двух областях. На 1 января 1917 года в Округе насчитывалось до 773 000 солдат и 20 000 офицеров, из которых в Казани и Казанской губернии – более 50 000 солдат²⁵. Таким образом, на каждого офицера приходилось приблизительно 40 солдат. Учтём, что часть из них непосредственно с солдатами не общалась: высший командный состав, штабные офицеры, военные чиновники и т. п. Получается, что один строевой офицер приходился примерно на сотню солдат. Цифра не такая уж «страшная», однако следует учесть, что унтер офицеры, не будучи в достаточной степени подготовлены, не были, за редким исключением, полноценными помощниками офицеров в деле военно-морального воспитания и обучения подчинённых, сливаясь с основной «серой» солдатской массой. При этом именно младший офицерский состав к 1917 году наименее удовлетворял своему предназначению воспитывать и обучать солдат. В итоге одному прапорщику или подпоручику не подчинялось, а противостояло около сотни подчинённых. К тому же это были не обычные рекруты: многим уже под сорок, иные не раз дезертировали. Нетрудно представить, на что было способно это войско и какого труда стоило поддержать в нём хотя бы видимость дисциплины.

Правда, к февралю 1917 года процесс разложения русской армии ещё не достиг своей кульминации, а КВО отнюдь не числился в списке наименее надёжных округов. В марте 1917 года именно решительные действия командующего округом генерала от инфантерии Сандецкого и наличие хотя бы минимума дисциплины в войсках позволили избежать беспорядков и эксцессов в городе в

²⁵ См.: Ионенко И. М. Революционная борьба крестьянства Среднего Поволжья в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (По материалам Казанской губернии) / Автореф. дисс. ... на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Москва, 1955. С. 6.

связи с роспуском полиции и жандармерии. До 4 марта в Казани не было демонстраций и митингов по поводу отречения Императора, поскольку воинские наряды и патрули просто разгоняли любое, сколь-нибудь серьёзное сборище²⁶.

5 марта 1917 года генерал Сандецкий сдал командование генерал-лейтенанту Доброшину. Вскоре солдаты свободной России пожелали освободить своих товарищей, содержащихся на гауптвахте, а чтобы помещение не пустовало, решено было отправить туда ряд лиц командного состава, в том числе и бывшего командующего округом, что и было сделано.

Но можно сказать, что более чем сорокатысячный гарнизон, в который входили четыре пехотных запасных полка, две артбригады, две школы прапорщиков, военное училище, штаб округа и масса вспомогательных частей, удалось удержать в рамках порядка и дисциплины. Более того, в первые послереволюционные дни армейские структуры (прежде всего военное училище и школы прапорщиков) взяли на себя функции поддержания общественного порядка в городе и уездах.

Окончательное разложение армейского организма дело всё же не быстрое, и в марте-апреле «завоёванной» свободой солдаты тыловых округов, в том числе и Казанского, пользовались всё ещё с опаской, преимущественно не покидая расположения частей, где в казармах проигрывали в карты хлебные пайки, деньги, амуницию и обмундирование вплоть до исподнего. На почве азартных игр развилось воровство, обычным делом стали драки в казармах. Добытые вещи и деньги обменивались на спирт, самогон, по большей части – на денатурат и политуру, которые обыватели приладились употреблять вместо водки. Ни Совет, ни администрация Временного правительства не могли препятствовать это-

²⁶ ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 111. Л. 1, 33.

му. Председатель Временного Военно-Окружного комитета ограничился воззванием, в котором призывал солдат прекратить картёжные игры.

Бумага не произвела эффекта, а солдаты постепенно входили во вкус свободы. Убедившись в своей безнаказанности, наблюдая растерянность, а нередко и прямое попустительство офицеров, нижние чины весьма скоро стали разнообразить формы досуга: самовольные отлучки, попойки и бандитские приключения в городе распространялись в военной среде, прежние нарушения дисциплины теперь казались невинными шалостями. Расцвела солдатская торговля на городских улицах²⁷, сделавшаяся на какое-то время основной формой армейского бизнеса. Установились доверительные отношения с жителями окрестных деревень. Показательна в этом отношении история с молочной фермой Казанского губернского земства. Покушения на её луга со стороны крестьян окрестных сёл начались с апреля 1917 года, но работники фермы противостояли этому натиску. В начале июня крестьянам удалось наладить контакты с солдатами артдивизиона, расположенного в селе Борисково²⁸. Результат: сено с лугов фермы теперь вывозилось крестьянами быстрее (10-15 стогов за ночь), а служащих отгоняли солдаты. Заметим, что ферма снабжала молоком земские больницы и приюты. В конце июня по просьбе знакомых крестьян солдаты приступили к вырубке леса, расположенного на землях фермы. В жалобе управляющего отмечалось, что дрова и сено, увезённые солдатами, продавались крестьянам, либо солдаты и крестьяне приезжали за ними вместе. Такого рода «неформальные» отношения между армией и народом были широко распространены в гарнизонах округа.

²⁷ ГА РТ. Ф. 1246. Оп.1. Д.35. Л.212-213; Экштут С. «Черти, правящие бал в болоте спекуляции...» О чём писали столичные газеты в феврале 1917 года // Родина. 2017. № 2. С. 19-27.

²⁸ ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 37. Л. 50.

В Казани, окружённой рабочими слободами, солдатская предприимчивость принимала форму торговли и ремесленных занятий. Кроме того, солдаты и младшие офицеры занимались извозом на казённых лошадях, нанимались грузчиками на пристани. Впрочем, это всё были более или менее честные формы заработка. Некоторые военнослужащие не гнушались и прямым криминалом. Установились и день ото дня крепи связи солдат с блатным миром Казани (до одесских масштабов казанцам, правда, было далеко). Летом широко распространились кражи из лавок и магазинов, воровство на рынках и улицах. Гоп-стопы в исполнении солдат революции тоже не были чем-то из ряда вон выходящим. Мягкость приговоров способствовала рецидиву. Так, 17 октября 1917 года судили сразу четырёх солдат, попавшихся на кражах в апреле-мае и уже в сентябре повторивших воровской опыт²⁹. Слабость и малочисленность милиции приводили к тому, что многие преступления оставались нераскрытыми, что, несомненно, способствовало криминализации солдатских масс: солдат из защитника начал превращаться в насильника.

Внутреннее перерождение армии стало особенно заметным в октябре, когда солдатики постарались придать своим экспроприационным мероприятиям видимость классовой борьбы. После того как вновь избранная осенью 1917 года Городская Дума, состоявшая, в основном, из представителей социалистических партий, поставила своей нераспорядительностью город на грань голода, и в Казани начался ропот по поводу административных талантов и политических амбиций социалистов, Совет, чтобы обеспечить советские структуры продуктами питания и заодно продемонстрировать, «кто в городе хозяин», постановил провести масштабную компанию обысков у горожан с целью реквизиции «укрываемых

²⁹ Солдаты-воры // Камско-волжская речь. 1917. 18 октября.

от народа» запасов продовольствия. Итоги советской акции оказались более чем скромными, и она официально завершилась 5 октября. «Обыски», однако, продолжались. Грабителям теперь нужды не было лезть по ночам в лавки. Среди бела дня заходили они в квартиры и, потрясая оружием, громогласно объявив себя посланцами Совета, выгребали последние запасы еды (особенно интересовал их сахар – сырьё для самогона) и скрывались в неизвестном направлении. Не обходились без участия солдат погромы и открытые грабежи. Действия преступников были тем наглее, что Совет рабочих и солдатских депутатов практически санкционировал погромы, приняв 18 октября, по предложению одного из лидеров местных большевиков Карла Грасиса, резолюцию, в которой утверждалось, что препятствовать не стоит, поскольку Временное правительство – правительство империалистическое³⁰. Эта убийственная и логичная аргументация и явилась, в общем-то, юридической основой советской диктатуры.

На этот естественный процесс гниения накладывается ряд событий, ускоривших его до такой степени, что уже 30 июля командующий Округом полковник Коровиченко, выступая перед депутатами Военно-Окружной конференции представителей солдатских секций Советов солдатских и рабочих депутатов КВО, был вынужден констатировать: «Армия находится в состоянии полного разложения, уважения к Армии нет, солдат население боится»³¹. 25 августа даже на совместном заседании бригадного и батарейных комитетов 2 запасной артиллерийской бригады была признана «наличность развала армии»³².

После провала летнего наступления личный состав запасных частей был готов на что угодно, лишь бы избежать окопов. Не сто-

³⁰ См.: В заседании Совета солдатских и рабочих депутатов // Камско-Волжская речь. 1917. 20 октября.

³¹ См.: Камско-волжская речь. 1917. 4 августа.

³² См.: Там же. 27 августа.

ит забывать, что солдат образца 1914 года готовился убивать, его хоть как-то учили воевать, солдат же образца 1917 года, помитинговав и пропьянствовав в тылу три-четыре месяца, попадал в окопы таким же увальнем, каким пришёл в запасной полк. Ему было просто страшно. И чтобы избавиться от этого ужаса, человек с ружьём был готов пойти за кем угодно, молиться хоть самому чёрту, лишь бы он уберёг от смерти от германского штыка³³.

На этой же почве росло недоверие к офицерам. Ведь они-то, по мнению солдат, знали, как спасти свою жизнь на войне, но «скрывали». И кто же задумается в этой ситуации о своей вине и ответственности, о том, что предпочитал карты боевой подготовке, а митинги – стрельбищу. А тут ещё агитаторы поясняют: не твоя вина, это всё офицеры, они-то и хотят твоей смерти. Поэтому так тяжело и причудливо преломились в воспалённом сознании солдатской массы известия о Корниловском выступлении; в гарнизонах Казанского военного округа они нанесли окончательный удар по доверию солдат к командованию.

К этим общим для всех тыловых гарнизонов обстоятельствам следует добавить и специфические, казанские. В их числе – прибытие в Казань прапорщиков печально знаменитого 1 пулемётного запасного полка Ершова и Ефремова, откомандированных из Петрограда за участие в июльских волнениях. Казанский округ вообще значительно пополнился за счёт военнослужащих, от которых очищали столичные гарнизоны. Как оказалось, это был не лучший выход: оздоровить Петроград и Москву всё равно не удалось, а вот дисциплина и боеспособность местных гарнизонов значительно пострадали после такого «пополнения». Артиллерийским офицером Николай Ершов так и не стал, но талант агитатора у него, несомненно, был. Во 2 запасной артиллерийской бригаде

³³ См.: Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 7. Москва: Политиздат, 1991. С. 285.

вновь прибывшие прапорщики сумели сплотить вокруг себя часть личного состава, причём солдаты чуть ли не с оружием в руках выступили позднее против перевода Ершова в Самару. 30 августа 1917 года прапорщик Ершов стал депутатом Казанского СовДепа, 3 сентября в Совет был избран и прапорщик Ефремов. Некоторое время спустя Н. Е. Ершов вместе с вожаком чебоксарских мастеровых Карлом Грасисом образовали нечто вроде большевистского лобби в Совете, хотя по партийной принадлежности прапорщик всё ещё числился за эсерами. В сентябре Н. Е. Ершов уже возглавил всю военную работу в Совете, употребляя свои ораторские таланты для разложения казанского воинства.

Осенью 1917 года правительство, будто специально, решило подбавить служивым беспокойства. Идея в своей основе была здоровой: убедившись в отсутствии необходимости пребывания на военной службе солдат старше 40 лет, военное министерство решило успокоить армию путём удаления из неё дестабилизирующих элементов в лице солдат от 39-ти до 42-х лет. Однако приказы А. Ф. Керенского возымели прямо противоположное действие. В солдатской массе сразу же был поднят вопрос об увольнении солдат 1899 года призыва, а во многих частях даже 35 – 37 летние требовали демобилизации: семьи были почти у всех, кому перевалило за двадцать, земля простаивала, хозяйство рушилось. Русскому (в широком смысле государственной идентичности) мужику недосуг было воевать – имелись дела поважнее. А командование не то что не решало вопрос с призывниками 1899 года, но и медлило с увольнением старших возрастов. Что понятно: в Казанском военном округе было 29 200 солдат призыва 1895 – 1896 годов, 1897 – 1898 годов – 70 308, да ещё 24 826 человек призыва 1899 года. Нельзя же за две недели распустить 100 000 человек хотя бы потому, что транспортная инфраструктура, и без того перенапря-

жённая сверх всякой меры, рухнет под гнётом таких объёмов. К тому же в штабе, где писари были заняты решением судеб страны, а прапорщики заседали в СовДепах, оформлять бумаги не успевали, чего солдаты понимать не желали. Возбуждение нарастало, возмущение искало выхода, что привело к демонстрации 12 октября 1917 года. Организованная СовДепом в поддержку себя самого, она прошла под лозунгами «Долой войну!» и «Мир народам!». Не забыли и о призывах отдать власть Совету.

Демонстрация прошла, но возбуждение сохранилось. Совет солдатских и рабочих депутатов назначил ориентировочно на 20 октября гарнизонный митинг, где планировалось разъяснить солдатам вопросы войны, мира, обнародовать постановление СовДепа о демобилизации солдат 1899 года призыва. Вечером 14 октября группа левых депутатов Совета во главе с К. Я. Грасисом и Н. Е. Ершовым буквально вынудила СовДеп принять резолюцию о назначении митинга на 15 октября, грозя в противном случае провести его под эгидой большевиков. Это не устраивало даже Совет, поскольку в этом случае за последствия невозможно было бы поручиться, и дело могло кончиться погромом.

И вот 15 октября 1917 года в лугах за железнодорожным вокзалом состоялся гарнизонный митинг. Собравшиеся под красными флагами солдаты почему-то были уверены, что мир заключат прямо «здесь и сейчас», а на путях, у вокзала их уже будут ждать готовые к отправке «по домам» поезда. Вместо этого им пришлось прослушать призывы прапорщика Ершова, пламенное, но косноязычное выступление К. Я. Грасиса и ряд других речей менее харизматичных ораторов. К полудню настроение упало, собравшееся, узнав, что ничего интересного не произойдёт, стали понемногу расходиться. Большевикам удалось не просто запастись зажигающимися резолюциями, но и организовать шествие по улицам

Казани³⁴. Своё недовольство раздражённые и озлобленные солдаты, опаздывавшие на обед, выражали срыванием шапок с зевак и мелким хулиганством: тут опрокинули телегу, там – помяли даму; долго ловили, но потом все же побили контрреволюционного конторщика, который из окна второго этажа вылил на участников шествия чайник кипятку. Общая атмосфера накалялась, но юнкерские отряды сумели удержать солдат от эксцессов.

После 15 октября ситуация в гарнизоне характеризовалась нарастанием в солдатской массе возбуждения, не находившего выхода, сопровождавшегося апатией. Командование делало ставку на то, что запутавшиеся в политических комбинациях и слегка подуставшие солдаты наконец-то утратят интерес к сомнительным сборищам, особенно на фоне разворачивающейся демобилизации. Лидеры революционной партии понимали, что если не спровоцировать некую истерическую мобилизацию сил гарнизона, спадающая волна охлократического экстазма утянет их на дно политического моря так же, как до этого вознесла на гребень. Поэтому в тени внешнего успокоения противоборствующие стороны готовили силы для последней схватки. Впрочем, всё пошло не так...

Узнав о запланированной на 21 октября отправке из Казани маршевых рот для пополнения фронтовых частей, большевики сделали ставку на то, что распропагандированные вояки побоятся ехать на верную смерть и из чувства самосохранения взбунтуются. Поэтому за спиной СовДепа совещание казанских большевиков 18 октября принимает решение о переходе власти к Совету: расчёт на то, что советские «соглашатели» свих не выдадут, а командование,

³⁴ На самом деле это было совсем не сложно, надо было всего лишь изменить маршрут солдатских колонн, направив их в казармы не по обходному пути, где они не мешали бы трамваю и транспорту, а через центр, где сам факт перемещения многотысячной толпы с кумачовой агитацией уже вызывал бы ажиотаж и многочасовые заторы. Дело осложнялось тем, что командование округа выделило для сопровождения и упорядочения солдатской массы вооружённые юнкерские отряды, которые пугали безоружных участников митинга и сильно смахивали на конвой.

в очередной раз испугавшись конфликта с СовДепом, своим бездействием сорвёт мобилизацию антибольшевистских, патриотических, если угодно, сил³⁵, предоставив инициативу большевикам. Однако новое политическое руководство гарнизона было настроено куда более решительно: узнав о готовящемся бунте, оно решило арестовать зачинщиков и лидеров. Но, к сожалению, никак не решалось порвать с приличиями, предпочитая накануне решающей битвы сохранить чистоту мундира. Дело в том, что 18 октября было принято решение о персональном составе руководителей большевистского восстания, которыми должны были стать К. Я. Грасис, прапорщик Ершов и подпольно прибывший из Саранского гарнизона подпоручик Гроздов³⁶. Депутатов местного СовДепа трогать побоялись, а вот Гроздова, поскольку его вояж в Казань носил исключительный частный характер и официально ни с кем согласован не был, решили арестовать за самовольную отлучку из гарнизона, наказание было легкое (неделя офицерской гауптвахты), но лиха беда начало... И арестовали, 20 октября. Но по дороге на гауптвахту революционный подпоручик убедил начальника караула отпустить его, дав честное слово в политике больше не участвовать.

После своего избавления от оков подпоручик Гроздов укрылся в казармах второго дивизиона 2 запасной артиллерийской бригады³⁷, как раз том самом, где числился прапорщик Ершов, который там и слу-

³⁵ Из всех участников только большевики наверняка знали о том, что на совещаниях в ЦК (10 и 16 октября), проведённых в Петрограде после нелегального возвращения В. И. Ленина из Финляндии, принята ленинская резолюция о необходимости «поставить вооружённое восстание в порядок дня» и сосредоточить все силы на его подготовке. Все остальные полагали, что легитимность Временного правительства не ставится под сомнение, а значит, не рассчитывали на brutальный характер провинциальных разборок.

³⁶ Подпоручик Гроздов – загадочная личность. Некоторые даже считают, что он вообще не имел отношения к восстанию, просто случайно подвернулся под руку. Но вряд ли большевики стали бы ставить успех своего восстания в зависимость от судьбы какого-то подпоручика. Достоверных данных пока не обнаружено, хотя есть несколько гипотез. Самой убедительной можно считать версию, что загадочный подпоручик, закончив в июле 1914 года Казанское юнкерское училище, оказался в 6 Сибирской стрелковой дивизии, в 1916 году включенной в состав формируемой на базе КВО 4-й армии.

³⁷ От гарнизонной «губы» до казарм Второго дивизиона было примерно полтора километра (здания не сохранились), и все эти пункты были в шаговой доступности от центра города.

чился. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда вечером 20 октября к казармам артиллеристов исправлять политическую ошибку начальника конвоя прибыл отряд юнкеров с двумя броневиками, солдаты не пустили их в расположение дивизиона, заявив, что Гроздова можно арестовать и днём. Юнкерам ничего не оставалось как ретироваться, а в казармах начался митинг. Его темой была вовсе не судьба саранского гостя: накануне бригадный комитет самовольно постановил уволить в запас солдат 1899 года призыва, и солдаты опасались репрессий командования, приказа которого непосредственно расходились с резолюцией бригадного комитета. Появился слух, что их всех арестуют, а потом расстреляют, была версия, что арестовывать не будут, а «кончат» сразу же. Поэтому артиллеристы решили, что разоблачили коварный замысел командиров и решили противостоять гарнизонному начальству. Чтобы их позиция выглядела более аргументированной, из цейхгауза разобрали оружие, а на плацу поставили несколько мортир и трёхдюймовых пушек, поворотив их жерлами в сторону города. Приготовившись таким образом и арестовав, для порядка, командира бригады полковника Седлецкого, стали ждать юнкерского штурма...

Провал арестов и ситуация во Втором дивизионе быстро стали известны т. н. Революционному штабу (военно-политический орган, созданный в дни Корниловского выступления для координации действий т. н. здоровых патриотических сил) во главе с Военным комиссаром Временного правительства капитаном Калининым. Оценив обстановку, «штабисты», заседавшие в особняке бывшего командующего округом³⁸, решили ситуацию замять, тем более что как раз в этот день, 21 октября, из Казани на вокзал и в эшелоны отправлялись не демобилизованные воины, а солдаты маршевых рот, которые могли бы оказаться вовлечены в конфликт.

³⁸ Особняк генерала Сандецкого, занятый под Штаб, а ныне отданный Музею изобразительных искусств Республики Татарстан, располагался буквально через дорогу от здания гарнизонной гауптвахты, так что описываемые события разворачивались на пятячке два на два километра.

Поэтому до обеда ни солдаты, ни командиры решительных действий не предпринимали. После погрузки маршевых рот пехотных запасных полков в эшелоны юнкерские отряды попытались просочиться в район расположения Второго дивизиона, но на полпути были обнаружены и остановлены. Возникла неловкая пауза, вызванная тем, что солдаты всё ждали, когда же их начнут расстреливать из-за резолюции, незаконность которой они понимали, но отказаться от неё без борьбы были не готовы, а командование, не помышлявшее уже об аресте подпоручика Гроздова и не проинформированное об очередной выходке комитета, никак не могло взять в толк, что же на этот раз вызвало неудовольствие артиллеристов, постепенно превращавшихся в самую неблагонадёжную часть гарнизона. Представители Штаба отправились на переговоры с предложением артиллеристам сложить оружие. Солдаты, указывая на экипированных «по-боевому» юнкеров, отказались. После нового раунда дебатов от Штаба в казармы была направлена новая депутация, на этот раз уже с участием юнкеров, которые клятвенно заверили солдат, что не собираются их расстреливать. В попытке объясниться артиллеристы заверили, что стрелять по городу собирались только в качестве ответной меры на случай штурма. В конечном итоге состоялось замирение: юнкера отступили и вернулись в казармы, артиллеристы убрали орудия. Ну а подпоручика Гроздова представители бригадного комитета вернули в Саранск, так что от гауптвахты он всё же отделался³⁹.

Слухи о едва не начавшемся в гарнизоне боевом столкновении вызвали тревогу и брожение в частях. Для прояснения ситуации 22 октября (4 ноября) 1917 года состоялось общее собрание представителей войск гарнизона, на котором было окончательно решено, что юнкера и артиллеристы претензий друг к другу не

³⁹ См.: Камско-волжская речь. 1917. 24 октября.

имеют. Однако по инициативе К. Я. Грасиса собрание приняло провокационную резолюцию о сдаче оружия и боеприпасов СовДепу (п. 7) и об отправке на фронт всех четырёх броневиков, имевшихся в гарнизоне (п. 3). На практике это означало одностороннее разоружение верных правительству войск, которым кроме этих – так пугавших революционеров – бронеавтомобилей практически нечего было противопоставить более чем в шестнадцать раз превосходившему их по численности гарнизону. В связи с этим собрания юнкеров и курсантов школ прапорщиков, состоявшиеся уже 23 октября, после возвращения делегатов с Общего собрания, принимают решение не разоружаться. Именно эта резолюция использовалась советской историографией как объяснение начала революционного выступления гарнизона. Однако едва ли деморализованным солдатам гарнизона было под силу разоружение юнкерских взводов, поэтому в СовДепе никто всерьёз и не помышлял о выполнении собственной резолюции⁴⁰.

Командование округа, в свою очередь усмотрев в нерешительности признаки ослабления большевистского влияния в Совете и в войсках, решилось на арест прапорщика Ершова, К. Я. Грасиса и ряда других депутатов СовДепы, пользовавшихся депутатской неприкосновенностью. В отношении К. Я. Грасиса план вполне удался⁴¹, а вот Н. Е. Ершова успели предупредить, и он в компании своего ординарца Назара Ежова бежал во 2 запасную артбригаду. Во Втором дивизионе его в этот день едва не арестовали⁴², поэтому пришлось спешно передислоцироваться в Первый дивизион, располагавшийся в то время за пределами городской черты⁴³ (пешком можно было дойти

⁴⁰ ГА РТ. Ф. 2750. Оп.1. Д. 16. Л. 10.

⁴¹ Там же. Л. 14.

⁴² Там же. Л. 20.

⁴³ В советское время и чуть позже в городке 1 дивизиона располагалось Казанское командно-инженерное артиллерийское училище; сейчас – жилой массив, где встречаются следы старой военной архитектуры.

за 20 минут). Ближе к полуночи прапорщик-депутат перебрался в 240 пехотный запасной полк (тоже неподалёку), где ему удалось убедить солдат, что утром юнкера доберутся и до них, отнимут оружие и отправят на фронт. Хотя нелепость этой гипотезы была очевидна, склонная к экзальтации солдатская масса отреагировала самым бурным образом: солдаты (после отправки маршевых рот в полку ещё не успели принять пополнение, поэтому оставались только подразделения обеспечения, значительная доля личного состава которых как раз была намечена для демобилизации, поэтому агитация Ершова попала на плодородную почву) не только разобрали винтовки, но и сумели убедить артиллеристов выставить несколько орудий на позицию.

С них всё и началось. Утомившиеся ожиданием пушкари пару раз пальнули в направлении Штаба округа. Не попали, а попали под залп сохранившей верность присяге 5 Финляндской запасной артиллерийской бригаде, элитного подразделения, формировавшегося на базе Казанского военного округа. Залп тоже был, скорее, предупредительный. Поэтому революционные артиллеристы сменили позиции и продолжили неспешную пальбу по городу; за день не было дано и полусотни выстрелов. Впрочем, этого хватило, чтобы ранить нескольких жителей и повредить несколько домов (досталось и Казанскому университету, осколками повредило его колоннаду). Поскольку на этот раз мятежники стреляли с позиций, прилегающих к жилой застройке, ответный огонь не открывался.

Силы сторон перед решающей схваткой оцениваются разными авторами по-разному. По нашим подсчётам, против 30 – 32 тысяч солдат гарнизона, при 20 – 30 исправных орудиях, командование округа могло выставить не более 1000 юнкеров и курсантов школ прапорщиков, около десятка орудий 5 финляндской артбри-

гады, не укомплектованной ещё личным составом, неполную сотню драгун и 73 казака. Плюс часть офицеров Штаба Казанского военного округа – всего не более 2 000 человек.

В течение 24 – 25 октября стороны получили подкрепления. По разным оценкам это от трёх до пяти тысяч бойцов Красной гвардии – восставшие, и около 1000 вооружившихся студентов, гимназистов и обывателей – командование. Подавляющее большинство горожан, как и большинство солдат не принимали участия в «сражении», о накале которого говорит то, что в результате двухдневных «боёв» (по советской терминологии) было убито десять и ранено менее сотни человек с обеих сторон; включая казанцев, пострадавших от огня артиллерии. Полностью вне схватки остались офицеры Академии Генерального штаба, недавно переведённой в Казань, и личный состав т. н. «национальных частей»⁴⁴ – украинских, татарских и т. п. (за исключением 5 Финляндской артбригады).

Тактически исход борьбы был предрешён подавляющим численным превосходством гарнизона, приверженностью командования принципам воинской этики и условиями расположения противоборствующих сторон: части гарнизона располагались на окраинах города, поэтому их артиллерийский огонь наносил ущерб мирным жителям, деморализуя и командование, и защитников порядка. Между тем, для дезорганизации бунтовщиков требовалось вести интенсивный и прицельный огонь. Это было и нравственно непозволительно для русского офицерства, и технически невыполнимо (слишком мало орудий и снарядов). Не желая подвергать население опасности и увеличивать число бессмысленных жертв, командование округа уже 25 октября решило начать диалог с восставшими в надежде оттянуть время и полу-

⁴⁴ См.: История Гражданской войны в СССР. Т.1. Москва: ОГИЗ, 1935. С. 283.

чить поддержку. В свою очередь, мятежники, воспользовавшись своим выигрышным положением, сформулировали некоторые требования, в основном касающиеся амнистии за беспорядки 24 – 25 октября. Этим планам не суждено было сбыться: в разгар дискуссии, в ночь на 26 е было получено известие о свержении Временного правительства и переходе власти в руки СовДепов уже во всероссийском масштабе. Узнав о том, что мятежники теперь они, командование округа согласилось разоружить юнкеров и прекратить сопротивление.

После провозглашения советской власти в Казани были проведены массовые обыски и аресты среди офицеров, юнкеров и обывателей. Вместо солдат на фронт отправили юнкеров, к 18 ноября их в городе почти не осталось. Новым командующим округом был избран прапорщик Ершов, которого, правда, пришлось вскоре по причине профнепригодности заменить коллегией из пяти человек. Сами же победители подались по деревням, явочным порядком реализуя большевистские авансы.

Итог событиям подвёл Чрезвычайный Военно-Окружной съезд, открывшийся 20 ноября 2017 года. Наряду с общим одобрением октябрьского переворота, по вопросу о событиях в Казани съезд заметил, что «борьба вовсе не преследовала какие-либо политические цели, а была явлением чисто случайным: солдаты были возбуждены начавшимся разоружением и выступили просто в защиту своей чести»⁴⁵. Духом самооправдания проникнута и резолюция съезда, практически поровну распределяющая ответственность за «случайную борьбу» между комиссаром Калининым (и его помощником Минцем), ставшемся вызвать выступление солдатских масс, чтобы разгромить их», с одной стороны, и Ершовым и Грасисом, блоки-

⁴⁵ См.: Междоусобие в Казани // Волжское слово. 1917. 28 октября.

ровавшими все мирные инициативы Революционного штаба и командования⁴⁶.

Оценивая октябрьские события, газета Казанского (старшего) комитета эсеров «Голос труда» писала: «Большевики захватили власть благодаря штыкам обманутых ими солдат»⁴⁷. Вероятно, солдаты очень хотели обмануться. Во всяком случае решающая роль гарнизона, который по численности был равен одной шестой всего населения города в переходе власти к СовДепу не вызывает сомнения. Именно солдаты, перед тем как разойтись по домам, дали начало окаянным дням. Похоже, что понимал это и ПредСовнаркома, безжалостно разогнав эту орду потенциальных дезертиров, которых на фронтах гражданской войны сменили сначала отряды китайцев и латышей, по-русски не понимавших, а потому моральных терзаний не ведавших, а затем уже и подневольные мужички, снова в обмотки загнанные. Но даже это воинство пусть и из-под палки, но воевало лучше разряженных лейб-гвардейцев, обменявших честь на... А на что, собственно, обменявших? Ведь ни один из наших героев не то что карьеры не сделал, но и прожить долго (за исключением А. Ф. Керенского) не смог: над выкопанным из могилы телом Корнилова большевики глумились несколько дней; Карл Грасис дважды отправлялся на нары, пока в 37-м не получил свой смертный приговор; Николаю Ершову почти повезло, он 5 января 1928 года разбился на автомобиле; труп Кирпичникова расстрелявшие его кутеповцы бросили в придорожной канаве. С последним вздохом «Мордобоя» отлетел и дух русской революции, наступало время схватки за будущее России, при попустительстве крестьянства⁴⁸ на 70 лет утвердится соввласть; в ко-

⁴⁶ См.: Военно-Окружной съезд // Камско-волжская речь. 1917. 21 ноября.

⁴⁷ Большевики захватили власть // Голос труда. 1917. 12 ноября.

⁴⁸ Академическое дело 1929 – 1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Санкт-Петербург, 1993. С. 30.

торой первым фронтменам «Красной смуты» места уже не будет. Всё, на что они оказались годны – таскать из огня каштаны и унавоживать почву для ленинского СНК. Что касается истории⁴⁹, то вал солдатских бунтов, прокатившийся по всем тыловым гарнизонам 1917 года, указывает на то, что реальная революционная программа у участников мартовской драмы отсутствовала, а последовавшее за тем разложение тыловых гарнизонов говорит о том, что на протяжении 1917 года страна (по мере разрушения государственных институтов) погружалась в пучину смуты, конкурирующие сценарии преодоления которой были сформулированы и предложены лишь осенью⁵⁰. В этом смысле Казанский Военный округ и Казанский гарнизон, выступившей на день раньше Петроградского авангарда, являются индикатором того, что события осенью 1917 года никак не тянули на революцию, тем более на социалистическую и пролетарскую. Ну а революций крестьянских, как известно, не бывает.

Литература

Источники

1. Mission to Russia. Report on Mission to Russia. Imperial War Museum Library. The Papers of Field Marshal Sir Henry Wilson. General Papers. 3/12/54. P. 1–4.
2. Академическое дело 1929 –1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Санкт-Петербург, 1993.

⁴⁹ См.: Литвин А. А., Корнилова И. В., Магсумов Т. А. Российская провинция второй половины XIX – начала XX столетия в отечественной историографии. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. 171 с.

⁵⁰ См.: Люкшин Д. 1917 год: вид из окна казармы // Родина. 1997. № 11. С. 18 – 22; Сухова О. А. Военные реалии и система управления на местах // Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект. Москва, Саранск, 2017. С. 156 – 169; Сухова О. А. Война как вызов массовому сознанию: настроения и поведение // Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект. Москва, Саранск, 2017. С. 81 –112; Люкшин Д. И. Крестьянская революция в казармах: гарнизоны Казанского военного округа // Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально-региональный аспект. Москва, Саранск, 2017. С. 303–317.

3. Большевики захватили власть // Голос труда. 1917. 12 ноября.
 4. В заседании Совета солдатских и рабочих депутатов // Камско-Волжская речь. 1917. 20 октября.
 5. Военно-Окружной съезд // Камско-волжская речь. 1917. 21 ноября.
 6. ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 758.
 7. ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 111. Д. 37. Д. 35.
 8. ГА РТ. Ф. 2750. Оп. 1. Д. 16. Д. 26.
 9. Заседание Комитета общественной безопасности // Камско волжская речь. 1917. 20 августа.
 10. История Гражданской войны в СССР. Т.1. Москва: ОГИЗ, 1935.
 11. Каганович Л. Памятные записки // Родина. 2017. № 11.
 12. Камско-волжская речь. 1917. Август октябрь.
 13. Междоусобие в Казани // Волжское слово. 1917. 28 октября.
 14. Речь П. П. Рябушинского при открытии II Всероссийского торгово-промышленного съезда 3 августа 1917 г. // Второй всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 3-6 августа 1917 Москва, 1917. С. 3–8.
 15. Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 7. Москва: Политиздат, 1991. С. 285.
-
1. Галеева М. А., Люкшин Д. И. Канун Второй русской смуты: демография, экономика, политическая социология // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2016. № 4. С. 164–70.
 2. Ганин А. Главком западного фронта Алексей Эверт: мы предали своего государя! // Родина. 2017. № 2.
 3. Давидсон А. Что понял и чего не понял лорд Милнер // Родина. 2017. № 2. С. 34–38.
 4. Ионенко И. М. Революционная борьба крестьянства Среднего Поволжья в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (По материалам Казанской губернии) / Автореф. дисс. ... на соиск. учён. степ. канд. ист. наук. Москва, 1955.
 5. Козодой В. И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. 256 с.
 6. Литвин А. А. Общественно политическое движение в Поволжье, конец XIX– начало XX в. Российская историография. Казань: Изд во Казан. ун та, 2003. 225 с.
 7. Литвин А. А., Корнилова И. В., Магсумов Т. А. Российская провинция

второй половины XIX – начала XX столетия в отечественной историографии. Казань: Изд во Казанского ун та, 2015. 171 с.

8. Люкшин Д. 1917 год: вид из окна казармы // Родина. 1997. № 11. С. 18–22.

9. Люкшин Д. И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 47–65.

10. Люкшин Д. И. Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань, 2017. С. 37–77.

11. Люкшин Д. И. Крестьянская революция в казармах: гарнизоны Казанского военного округа // Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально региональный аспект. Москва, Саранск, 2017. С. 303–317.

12. Люкшин Д. И. Необоснованно списанные со счетов: российское крестьянство в политических коллизиях семнадцатого года // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2. С. 20–30.

13. Смирнов А. Час «Мордобоя» // Родина. 2017. № 2. С. 31.

14. Сухова О. А. Военные реалии и система управления на местах // Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально региональный аспект. Москва, Саранск, 2017. С. 156–169.

15. Сухова О. А. Война как вызов массовому сознанию: настроения и поведение // Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и гражданской войны: национально региональный аспект. Москва, Саранск, 2017. С. 81–112.

16. Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии (Подготовка и проведение Октябрьского мятежа) 1917–1918. Иерусалим, 1982.

17. Экштут С. «Черти, правящие бал в болоте спекуляции...» О чём писали столичные газеты в феврале 1917 года // Родина. 2017. № 2. С. 19–27.

**CHESTNUTS FOR THE DICTATORSHIP OF THE PROLETARIAT:
THE ROLE OF PROVINCIAL REAR GARRISONS IN THE DESTRUCTION
OF RUSSIAN STATEHOOD**

A.A. Litvin, D.I. Lyukshin

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation

Abstract. *The article consistently reconstructs the events in Kazan in the spring, summer and autumn of 1917 on the basis of archival materials, periodicals and memoirs. The article analyzes the role of military garrisons in how the events that led to the events of October 1917 unfolded. It is shown that a large role was played by the mood in the troops, which was taken advantage of by those who benefited from unrest and chaos.*

Keywords: *1917, Kazan, garrison, soldiers, socio political movement.*

For citation: Litvin A.A., Lyukshin D.I. Chestnuts for the Dictatorship of the Proletariat: the Role of Provincial Rear Garrisons in the Destruction of Russian Statehood. *Journal of the Russian Studies*. 2021;2(1):73–103. (In Russ.)

References

Sources

1. Mission to Russia. Report on Mission to Russia. Imperial War Museum Library. The Papers of Field Marshal Sir Henry Wilson. General Papers. 3/12/54. P. 1–4.
2. Akademicheskoe delo 1929 – 1931 gg. Dokumenty i materialy sledstvennogo dela, sfabrikovannogo OGPU. [Academic Affairs 1929 –1931. Documents and materials of the investigative case fabricated by the OGPU]. St. Petersburg, 1993.
3. Bol'sheviki zahvatili vlast'. [The Bolsheviks seized power] // Golos truda. 1917. November 12.
4. V zasedanii Soveta soldatskih i rabochih deputatov [In the meeting of the Council of Soldiers' and Workers' Deputies] // Kamsko-Volzhsкая rech. 1917. October 20.
5. Voенно-Okružhnoj sezd [Military District Congress] // Kamsko-volzhsкая rech. 1917. November 21.

6. State Archive of the Russian Federation. F. R 5881. Op. 2. D. 758.
 7. State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 1246. Op. 1. D. 111. D. 37. D. 35.
 8. State Archive of the Republic of Tatarstan. F. 2750. Op. 1. D. 16. D. 26.
 9. Zasedanie Komiteta obshchestvennoj bezopasnosti [Meeting of the Committee of Public Safety] // Kamsko-volzhskaya rech. 1917. August 20.
 10. Istoriya Grazhdanskoj vojny v SSSR [The History of the Civil War in the USSR]. Vol. 1. Moscow: OGIZ, 1935.
 11. Kaganovich L. Pamyatnye zapiski [Memorable Notes] // Rodina. 2017. N. 11.
 12. Kamsko-volzhskaya rech. 1917. August–October.
 13. Mezhdousobie v Kazani [Internecine strife in Kazan] // Volzhskoe slovo. 1917. October 28.
 14. Rech' P. P. Ryabushinskogo pri otkrytii II Vserossijskogo torgo-vo promyshlennogo s"ezda 3 avgusta 1917 g. [P. P. Ryabushinsky Speech at the Opening of the II all Russian Commercial and Industrial Congress on 3 August 1917] // Vtoroj vse-rossijskij torгово promyshlennyj s"ezd v Moskve 3-6 avgusta 1917 [The Second all Russian Commercial and Industrial Congress in Moscow, 3-6 August 1917 Moscow, 1917]. Pp. 3–8.
 15. Sukhanov N. N. Zapiski o revolyucii [Notes on the revolution]. Vol. 3. Book 7. Moscow: Politizdat, 1991. Pp. 285.
-
1. Galeeva M. A., Lyukshin D. I. Kanun Vtoroj russkoj smuty: de-mografiya, ekonomika, politicheskaya sociologiya [The Eve of the Second Russian Turmoil: Demography, Economics, Political Sociology] // Vestnik Gumanitar-nyh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia]. 2016. N. 4. Pp. 164–70.
 2. Ganin A. Glavkom zapadnogo fronta Aleksej Evert: my predali svoego gosudarya! [Commander in Chief of the Western Front Alexey Evert: We Have Betrayed Our Sovereign!] // Rodina. 2017. N. 2.
 3. Davidson A. What Lord Milner understood and did not understand // Rodina. 2017. N. 2. Pp. 34–38.
 4. Ionenko I. M. Revolyucionnaya bor'ba krest'yanstva Srednego Povolzh'ya v period podgotovki Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj re-volyucii (Po materialam Kazanskoj gubernii) [The Revolutionary Struggle of the Middle Volga Peasantry in the Period of Preparation for the Great October Socialist Revolution (Based on the Materials of the Kazan Province)] / Avtoref. diss. ... na soisk. uchyon. step. kand. ist. nauk. [Autoref. diss. ... Candidate of Historical Sciences]. Moscow, 1955.

5. Kozodoy V. I. Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyuciya. [Alexander Ivanovich Guchkov and the Great Russian Revolution]. Novosibirsk, 2015. 256 p.

6. Litvin A. A. Obshchestvenno-politicheskoe dvizhenie v Povolzh'e, konec XIX-nachalo XX v. Rossijskaya istoriografiya. [Socio-political Movement in the Volga Region, the End of the XIX–beginning of the XX Century. Russian Historiography]. Kazan: Publishing House of the Kazan University, 2003. 225 p.

7. Litvin A. A., Kornilova I. V., Magsumov T. A. Rossijskaya pro-vinciya vtoroj poloviny XIX – nachala XX stoletiya v otechestvennoj isto-riografii. [The Russian Province of the Second Half of the XIX–beginning of the XX Century in Russian Historiography]. Kazan: Publishing House of the Kazan University, 2015. 171 p.

8. Lyukshin D. 1917 god: vid iz okna kazarmy [1917: View from the Window of the Barracks] // Rodina. 1997. N. 11. Pp. 18–22.

9. Lyukshin D. I. Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie. [The Second Russian Turmoil: the Peasant Dimension]. Moscow, 2006. Pp. 47–65.

10. Lyukshin D. I. Kommunary ponevole: obshchinnaya revolyuciya v dramaturgii Vtoroj russkoj smuty [Communards of Necessity: the Communal Revolution in the Drama of the Second Russian Turmoil]. Kazan, 2017. Pp. 37–77.

11. Lyukshin D. I. Krest'yanskaya revolyuciya v kazarmah: garnizony Kazanskogo voennogo okruga [The Peasant Revolution in the Barracks: Garrisons of the Kazan Military District] // Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyah revolyucii 1917 g. i grazhdanskoj vojny: nacional'no regional'nyj aspekt [The Peasantry and the Cossacks of Russia in the Conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: National and Regional Aspect]. Moscow, Saransk, 2017. Pp. 303–317.

12. Lyukshin D.I. Neobosnovanno spisannye so schetov: rossijskoe krest'yanstvo v politicheskikh kolliziyah semnadcatogo goda. [Unreasonably Written off from Accounts: Russian Peasantry in the Political Conflicts of the Seventeenth Year] // // Vestnik NII Gumanitarnyh nauk pri pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Bulletin of the Research Institute of Humanitarian Sciences under the Government of the Republic of Mordovia]. 2016. N. 2. Pp. 20–30.

13. Smirnov A. CHas «Mordoboya» [The «Mordoboya» Time] // Rodina. 2017. N. 2.

14. Sukhova O. A. Voennye realii i sistema upravleniya na mestah // Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyah revolyucii 1917 g. i grazhdanskoj vojny: nacional'no regional'nyj aspekt. [Military realities and the system of management in the field] // Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyakh revolyutsii 1917 i grazhdanskaya voina: natsionalno regional aspect. Moscow, Saransk, 2017. Pp. 156–169.

15. Sukhova O. A. *Vojna kak vyzov massovomu soznaniyu: nastroeniya i povedenie* [War as a challenge to mass consciousness: moods and behavior] // *Krest'yanstvo i kazachestvo Rossii v usloviyah revolyucii 1917 g. i grazhdanskoj vojny: nacional'no regional'nyj aspekt.* [The Peasantry and the Cossacks of Russia in the Conditions of the Revolution of 1917 and the Civil War: National and Regional Aspect]. Moscow, Saransk, 2017. Pp. 81–112.

16. Frenkin M. *Zahvat vlasti bol'shevikami v Rossii i rol' tylo-vyih garnizonov armii (Podgotovka i provedenie Oktyabr'skogo myatezha) 1917–1918.* [The Seizure of Power by the Bolsheviks in Russia and the Role of the Army's Rear Garrisons (Preparation and Conduct of the October Revolt) 1917–1918]. Jerusalem, 1982.

17. Ekstut S. *СHerti, pravyashchie bal v bolote spekulyacii...» O chyom pisali stolichnye gazety v fevrale 1917 goda ["Devils, ruling the ball in the swamp of speculation..." What the Capital's Newspapers Wrote about in February 1917]* // *Rodina.* 2017. N. 2. Pp. 19–27.

Авторы публикации

Authors of the publication

Литвин Александр Альтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.
E-mail: Alexandr.Litvin@kpfu.ru

Alexander A. Litvin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of National History of the Institute of International Relations of Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.
E-mail: Alexandr.Litvin@kpfu.ru

Люкшин Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.
E-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Dmitry I. Lyukshin – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of National History of the Institute of International Relations of the Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.
E-mail: 1dlyuksh@kpfu.ru

Дата поступления 11.03.2021.

Принято к публикации 22.03.2021.

Publication date: 11.19.2020. Offset paper. Digital printing. Format 70x108 1/16.
The circulation is 500 copies. Order no. 37/10. Printed from a ready-made layout in the printing house
of the Kazan University Publishing House. Address: 1/37, Professors Nuzhin street,
Kazan, 420008, Russian Federation.

Tel.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the publisher.
Free distribution.

Дата выхода в свет: 19.11.2020. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16.
Тираж 500 экз. Заказ № 37/10. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издатель-
ства Казанского университета. Адрес: ул. Профессора Нужина, 1/37,
г. Казань, Российская Федерация, 420008.

Тел.: +7 (843) 233-73-59; +7 (843) 233-73-28.

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.
Распространяется бесплатно.